

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

международный научный журнал

1
2020

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 1 (15) / 2020

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Будкова Д.П., Манжукова О.А. Об особенностях правового статуса иностранных граждан в России в контексте миграционных процессов	1
Пресняков Д.А. Меры пресечения административных правонарушений: проблемы правоприменения	3

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Кирюшин Ю.С. Правовая природа унитарного предприятия и перспективы его развития	6
Ретенко И.В. Компетенция органов власти в сфере лицензирования предпринимательской деятельности	8
Сохрякова А.В. Правовые последствия некачественного оказания медицинских услуг	10
Цыкунова А.А. Анализ судебной практики по внеконкурсному оспариванию сделок	13

АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Порхунов В.С. Субъекты, уполномоченные подавать заявления об оспаривании сделки должника в рамках дел о несостоятельности	16
---	----

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Параскева О.В. Виды алиментных правоотношений	20
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Андрейко А.С. Актуальные вопросы предоставления отсрочки отбывания наказания женщинам, имеющим ребенка в возрасте до четырнадцати лет. Уголовно-правовой и уголовно-исполнительный анализ	23
Баженова А.С. Установление возраста как обстоятельства, подлежащего доказыванию по уголовным делам в отношении несовершеннолетних	25

Гордеева Т.С. Отдельные проблемы уголовно-процессуального законодательства, регулирующего стадию проверки сообщения о преступлении	27
Ромашко А.Н. Место следователя среди субъектов доказывания в уголовном процессе	29
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	
Шаханин В.А. Президент и национальная исполнительная власть в современной ЮАР	32

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Об особенностях правового статуса иностранных граждан в России в контексте миграционных процессов

Будкова Дарья Павловна, курсант;

Манжукова Олеся Анатольевна, преподаватель

Колледж полиции г. Москвы

Статья посвящена особенностям правового статуса иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое положение человека, миграция, иностранные граждане правовой статус человека, граждане, правовое регулирование, права и свободы человека, беженцы, переселенцы.

В современном Российском государстве миграционным процессам уделяется особое внимание, поскольку данные отношения позволяют не только развивать экономические отношения, но и привлекать на рынок труда иностранную рабочую силу.

Протекающие миграционные процессы приводят к увеличению числа иностранных граждан (в т. ч. беженцев), которые находятся и проживают на территории Российского государства, временно или постоянно. В нормах конституционного и иного внутригосударственного права содержатся положения, устанавливающие основы взаимоотношений государства с этими лицами.

Иностранный гражданин — физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. [4, ст. 2].

Основы взаимоотношений этих лиц с государством установлены Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», в соответствии с которым, в зависимости от времени и проживания на территории РФ иностранных граждан подразделяют на четыре категории:

- временно пребывающие;
- временно проживающие;
- постоянно проживающие;
- лица, получившие политическое убежище.

Срок временного пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации зависит от срока действия выданной ему визы. Срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем визы, не может превышать 90 суток, за исключением ряда случаев, предусмотренных указанным законом [6].

Временно пребывающий в Российской Федерации иностранный гражданин обязан выехать из Российской

Федерации по истечении срока действия визы, срока окончания трудового договора или военного контракта.

Временное проживание иностранного гражданина на территории РФ возможно на основе разрешения, выданного в пределах квоты, ежегодно утверждаемой Правительством России, по предложениям исполнительных органов государственной власти субъектов РФ и возможностей данного субъекта по обустройству иностранных граждан. При этом, срок действия разрешения на временное проживание составляет три года.

Постоянное проживание иностранного гражданина в России возможно на основании вида на жительство, выдаваемого территориальным органом федерального органа исполнительной власти в сфере миграции. До получения вида на жительство иностранный гражданин обязан прожить на территории нашего государства не менее одного года на основании разрешения на временное проживание. Вид на жительство выдается иностранному гражданину на пять лет, но по окончании срока может быть продлен по заявлению данного лица. Количество продлений срока действия вида на жительство не ограничено [8].

Существуют случаи, когда разрешение на временное пребывание и постоянное проживание иностранному гражданину не выдается, а ранее выданное разрешение аннулируется. Если иностранный гражданин: выступает за насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации или иными действиями создает угрозу безопасности нашего государства и граждан. Также в случаях финансирования, планирования террористических (экстремистских) актов, оказания содействия в их совершении. Может быть отказано, если лицо, предоставило поддельные или подложные документы, сообщило о себе заведомо ложные сведения.

Особой категорией иностранных граждан и лиц без гражданства являются их представители, получившие

политическое убежище. Согласно Декларации Генеральной Ассамблеи ООН «О территориальном убежище» от 14 декабря 1967 г. убежище, предоставляемое каким-либо государством в осуществление своего суверенитета лицам, имеющим основание ссылаться на ст. 14 Всеобщей декларации прав человека, должно уважаться другими государствами. На право искать убежище и пользоваться убежищем не может ссылаться никакое лицо, в отношении которого существуют серьезные основания полагать, что оно совершило преступление против мира, военное преступление или преступление против человечества. Оценка оснований для предоставления убежища лежит на предоставляющем это убежище государстве [3].

Беженец — это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности. Он не может или не желает пользоваться защитой этой страны из-за опасений, или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее.

При подаче ходатайства данное лицо указывает его основание. Сам он должен относиться к числу [7]:

- иностранных граждан, прибывших или желающих прибыть на территорию России;
- лиц без гражданства, прибывших или желающих прибыть на территорию России;
- иностранных граждан и (или) лиц без гражданства, пребывающих на территории России на законном основании.

Отметим, что в основе правового статуса иностранцев лежат те же принципы, которые определяют статус гражданина России: они равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий и других обстоятельств.

Лица, признанные беженцами или вынужденными переселенцами, пользуются всеми правами и свободами и исполняют все обязанности гражданина РФ. В течение трех месяцев они избирают место своего постоянного жительства — населенный пункт из предлагаемых миграционной службой. Для них создаются льготные условия приобретения российского гражданства. Для временного размещения беженцев и вынужденных переселенцев на срок до трех месяцев создаются центры размещения, которые являются государственными учреждениями. Им может быть предоставлена долговременная беспроцентная возвратная ссуда на строительство (приобретение) жилья.

Отметим, что современные миграционные процессы выступают наглядным отражением значимых политических, экономических и социальных преобразований

в обществе, заключают в себе значительный потенциал развития и совершенствования основных направлений в государственной политике межнационального взаимодействия.

При этом, под миграцией населения — понимается территориальное перемещение людей со сменой места жительства на длительный период времени, обусловленное разнообразными причинами и факторами (экономическими, политическими, демографическими, национальными, религиозными).

В Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. под незаконной миграцией понимается перемещение в Россию с нарушением законодательства России, касающегося въезда, пребывания (проживания) иностранных граждан (лиц без гражданства) на территории РФ, и осуществление ими трудовой деятельности [10].

При этом немаловажную роль играет качественная составляющая миграционного потока, а именно способность мигрантов действовать в соответствии с принятыми в стране моралью и правопорядком, что определяет общую линию поведения мигранта. Полагаем, что общественная опасность, заключенная в незаконной миграции, кратно возрастает в случае, когда она становится средством достижения преступных целей на территории других государств.

Таким образом, проблема противодействия незаконной миграции заключается не в отсутствии правовых или организационных механизмов, а в качестве мер государственного реагирования на правонарушения и преступления, совершаемые незаконными мигрантами. Как справедливо отмечают многие исследователи проблемы миграции населения, одним из наиболее опасных в социальном плане выступает незаконная миграция. Ее повышенная общественная опасность заключается в том, что, в первую очередь, она затрагивает социальные устои российского общества, наиболее ценные, значимые, а также наиболее уязвимые в нашей многоконфессиональной и многонациональной стране.

В заключение отметим, что статус иностранных граждан отличается лишь частично от статуса граждан России. Но в контексте незаконной миграции эти статусы воздействуют на одну из основ стабильности государства, оказывая влияние на экономическую ситуацию отдельно взятых регионов, и формирует специфический социальный климат при взаимодействии с местным населением, что в определенных условиях может провоцировать конфликты на межнациональной, межконфессиональной почве. Государство, сталкиваясь с проявлениями незаконной миграции, пытается найти способы противостояния рассматриваемому негативному социальному явлению путем создания определенных законодательных барьеров. В конечном счете, незаконная миграция становится препятствием к стабильному, поступательному развитию государства и требует незамедлительной реакции на факты ее проявления со стороны государственных органов.

Литература:

1. Конвенция о статусе апатридов (Нью-Йорк 28 сентября 1954) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Мос.независимый институт международного права, 1996.
2. Конвенция о статусе беженцев (Женева 28 июля 1951 года) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9. С. 6–28.
3. Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (Принята 13 декабря 1985 года) Резолюцией 40/144 на 116-м пленарном заседании 40-й сессии Ген. Ассамблеи ООН // Действующее международное право. Т. 1. М.: Мос.независимый институт международного права, 2006.
4. Федеральный закон РФ от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // СЗ РФ 2006, № 30, ст. 3285; Российская газета № 270 от 30 ноября 2017 г.
5. Федеральный закон РФ от 19 февраля 1993 года № 4528-1 «О беженцах» // Ведомости СНД и ВС РФ 1993, № 12, ст. 425; СЗ РФ 2018, № 52 (часть I), ст. 7557.
6. Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
7. Батисова Г.И. Проблемы понятия «беженец» в российском законодательстве // SCI-ARTICLE.RU. 2017. № 41. — С. 15.
8. Иванов В. А., Крюкова К. И. Юридического содержания понятий «Беженец» и «Вынужденный переселенец» // Марийский юридический вестник, 2016, № 3 (18), С. 40–42.
9. Кручинин А. С. Проблемы формирования понятия «неграждане» // Конституционное и муниципальное право, 2005, № 1. С. 26–28.
10. Марышева Н. И., Хлестова И. О. Конституционный принцип национального режима иностранных граждан // Журнал российского права, 2018, № 8, С. 5–12.
11. Щеголева Н. А., Волков А. В. О необходимости совершенствования понятия «Беженец» в российском законодательстве // Среднерусский вестник общественных наук, 2015, № 2, С. 152–156.

Меры пресечения административных правонарушений: проблемы правоприменения

Пресняков Денис Андреевич, студент;

Научный руководитель: Летута Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский государственный университет

Данная статья рассматривает проблему выявления сущности мер пресечения в системе мер административного принуждения. Кроме данного, выявлены характерные черты нормативного закрепления применения мер принуждения полицией Российской Федерации, помимо этого применения мер принуждения относительно военнослужащих, а также приведена в качестве примера судебная практика.

Ключевые слова: меры пресечения, административные правонарушения, процессуальное обеспечение.

В федеральном законе «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ в п. 2 ч. 1 ст. 2 установлено, что основное направление деятельности полиции — предупреждение и пресечение преступлений, а также административных правонарушений. Полиция, в пределах своих полномочий обязана оказывать содействие государственным и муниципальным органам, общественным объединениям и организации по вопросам обеспечения защиты прав и свобод граждан, а также соблюдения законности и правопорядка.

Преобладающей группой в системе мер административного принуждения являются меры пресечения, поскольку они являются самыми многочисленными. С помощью специальных мер административного пресечения решается большинство правоохранительных задач, в число которых

входят: задержание правонарушителей, прямое физическое воздействие на злостных нарушителей, доставка правонарушителей органам государственной власти, прекращение гражданами и должностными лицами противоправных действий, отстранение водителей от управления транспортными средствами, изымать оружие и боеприпасы, ответное применение силы [5].

Из этого следует, что данные меры пресечения должны быть интенсивными и достаточными для выполнения вышеупомянутых задач.

Не вызывает сомнений тот факт, что применение физической силы и специальных средств является крайней мерой защиты прав и свобод человека.

Также стоит отметить, что суть мер пресечения заключается в принудительном прекращении противоправной

деятельности граждан, которые нарушают общественный порядок [1].

Однако необходимо подчеркнуть, что назначение мер административного пресечения не ограничивается борьбой лишь с административными правонарушениями. Данные меры применяются для пресечения преступных действий [4].

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод, что меры административного пресечения — это одно из эффективных средств борьбы с правонарушениями.

Административные меры пресечения способствуют обеспечению защиты прав и свобод граждан. К числу таких прав относятся: избирательные права, права на свободу совести и вероисповедания, право на жизнь, трудовые права, семейные права, права на свободу демонстраций и митингов, права на социальное обеспечение, финансовые права граждан, права на образование, права на свободу обращений [7].

Меры административного пресечения можно разделить на группы, к числу которых относятся: меры имущественного характера, меры применяемые к личности правонарушителя, меры технического характера, меры финансового характера, меры медико-санитарного характера, меры социального характера.

Также принято рассматривать меры административного пресечения в качестве мер процессуального обеспечения [2].

С этих позиций меры пресечения входят в более общее понятие «административное принуждение» и обеспечивают своевременное и соответствующее закону рассмотрение дел об административных правонарушениях и исполнение по ним постановлений. Поэтому эти меры принуждения направлены на: установление личности правонарушителя, обстоятельства совершения правонарушения, обнаружение и фиксацию необходимых доказательств [6].

К числу мер процессуального обеспечения относятся: доставление, личный досмотр, арест товаров, привод и другие. Полный перечень мер процессуального обеспечения закреплен в главе 27 КоАП РФ, который является исчерпывающим.

Вопросы применения мер административного пресечения содержатся в Федеральном законе от 7.02.2011 г. № 3-ЗФ «О полиции» [2], действующее законодательство определяет круг органов и должностных лиц, которые наделены полномочиями по применению мер процессуального обеспечения, к числу которых относятся: сотрудники МВД, военнослужащие, сотрудники национальной гвардии и другие органы.

Необходимо отметить деятельность полиции, поскольку она наделена наиболее широкими полномочиями по применению мер административного пресечения.

Так в главе 4 вышеупомянутого федерального закона регулирует применение полицией отдельных мер государственного принуждения, к числу которых относятся: задержание, входение в жилые и иные помещения, на земельные участки и другие объекты. В одном из дел сотрудники полиции задержали

гражданина Соколова применив к нему специальные средства в виде наручников. Соколов в свою очередь подал иск в суд о взыскании компенсации морального вреда в связи с тем, что использованные сотрудниками полиции спецсредства были применены к нему незаконно так как, он не оказывал сопротивления. Суд отказал Соколову в полном объеме мотивируя свое решение тем, что в ст. 21 ФЗ № 3-ЗФ «О полиции» сотрудник полиции обладает правом лично либо в составе подразделения применять спецсредства в следующих случаях: для пресечения сопротивления, оказываемого сотруднику полиции; для доставления в полицию, конвоирования и охраны задержанных лиц, лиц, заключенных под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, лиц, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста, а также в целях пресечения попытки побега, в случае оказания лицом сопротивления сотруднику полиции, причинения вреда окружающим или себе [8].

Также в главе 5 Федерального закона № 3-ЗФ содержится правовые нормы, посредством которых регулируется применение сотрудниками полиции физической силы, огнестрельного оружия и специальных средств. Так в одном из дел Юнгблудт В. Г. подал иск в отношении ФГКУ УВО МВД по Республике Коми о возмещении затрат в связи с повреждением здоровья и компенсации морального вреда. Козлов, в нарушение требованиям ч.1, 3 ст. 19 Закона «О полиции» без предупреждения о применении физической силы и специальных средств, после того как истец подошел к сотруднику вневедомственной охраны Карпенко, затем замахнулся и пытался нанести удар по руке, в которой Карпенко держал и производил видеозапись сотовым телефоном, зафиксировал правую руку истца и произвел болевой прием загиб руки за спину. Карпенко, отложив сотовый телефон, помог своему напарнику. Суд постановил, что сотрудники вневедомственной охраны действовали в соответствии с требованиями ФЗ «О полиции». Руководствуясь частью 2 ст. 19 ФЗ «О полиции» они воспользовались правом не предупреждать истца о своем намерении применить к нему физическую силу, так как истец своими действиями создал непосредственную угрозу здоровью Карпенко [9].

Необходимо отметить то, что при совершении военнослужащим административного правонарушения, за которое тот в соответствии с КоАП РФ несет дисциплинарную ответственность, к нему, согласно, Дисциплинарного устава ВС РФ могут применяться также следующие меры принуждения: доставление, задержание, личный досмотр, изъятие вещей и документов, временное отстранение от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей, отстранение от управления транспортным средством, медицинское освидетельствование [3]. На практике возникают случаи, когда военнослужащие злоупотребляют своим правовым статусом. Военнослужащий два раза сокрыл свою принадлежность к ВС РФ и потребовал затем отмены постановления о лишении его прав управления транспортным средством на основании

нарушения требований закона о подведомственности так как дело рассматривал не военный суд. В результате рассмотрения дела, Верховный Суд счел действия военнослужащего злоупотреблением его правового статуса и оставил принятые по делу акты без изменения [10].

Подводя итог, можно сказать, что главной целью, для которой применяются меры пресечения, является прекращение противоправного поведения, устранение противоправной ситуации, принуждение правонарушителя вести себя правомерно, в рамках, установленных правил в обществе.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ.
2. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.
3. Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».
4. Степанюк, В. В. Административное пресечение правонарушений в системе государственного принуждения Российской Федерации. — М.: Закон и право, 2015. № 3. С. 144–146.
5. Студеникиной, М. С. Административное право. — М.: Норма, 2017. — 488 с.
6. Тихомиров, Ю. А. Административное право и процесс. — М.: Право, 2016. — 588 с.
7. Шатская Е. Ю. Дисциплинарно-правовое принуждение военнослужащих, совершивших административное правонарушение. — М.: Проблемы права, 2016. № 2. С. 81–83.
8. Решение Советского районного суда г. Красноярск от 20.02.2014 № М-1961/2013 2–340/14 2–5951/2013 2–340/2014 (2–5951/2013;) ~М-1961/2013 2–340/2014 <https://sudact.ru/regular/doc/dekPV7onmwWq/> (дата обращения 05.12.2019)
9. Решение Воркутинского городского суда Республики Коми от 10.03.2015 № 2–550/2015 2–550/2015~М-8/2015 М-8/2015 <https://sudact.ru/regular/doc/tnUqezxNRdxQ/> (дата обращения 05.12.2019)
10. Постановление мирового судьи судебного участка № 4 Советского района г. Тамбова от 20.02.2017 № 4А-34/2017 <https://sudact.ru/regular/doc/WGOb5XJCKxdv/> (дата обращения 05.12.2019)

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Правовая природа унитарного предприятия и перспективы его развития

Кирюшин Юрий Сергеевич, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Актуальность темы исследования обуславливается усилением внимания со стороны ученых и законодателя к унитарным юридическим лицам как одной из основных форм участия государства в предпринимательской деятельности, что вызвано главным образом потребностями существующей практики в нашей стране и особенно дальнейшими перспективами развития экономики.

Унитарные юридические лица занимают прочное место в экономической структуре государства и связаны с решением ряда задач, социального значения. Практика показывает, что государственные унитарные предприятия традиционно являются одной из ведущих форм государственного предпринимательства и составляют одно из основных звеньев всего государственного сектора экономики, «а в период кризиса роль государства в экономике, естественно, вновь возросла» не только как регулятора процесса, но и как собственника предприятия. На сегодняшний день можно сказать, что в России сложилась ситуация, когда судьба унитарных предприятий может быть решена по инициативе государственного органа без учета положительных сторон данного института и без решения негативных явлений, связанных с унитарными предприятиями.

Основная часть. Термин «унитарное» (от лат. *unitas* — единство) означает единое, объединенное, составляющее одно целое. В унитарном предприятии, образованном в соответствии с гражданским законодательством России, такое единство выражается в ряде признаков, характеризующих статус юридических лиц данного вида [5].

Основными признаками унитарных юридических лиц является конкретное решение учредителем видов и цели деятельности для образуемого юридического лица. Также значимым признаком является дистанционирование учредителя от управления организацией. Такая система управления не включает присутствия учредителя, как составной части управления.

Главное в этой ситуации — сформировать необходимую имущественную основу деятельности организации. Данный пример является показательным для демонстрации значения признака «имущественная обособленность».

Особенности, существование которых позволяет юридическому лицу принимать участие в гражданском обороте как полноценному субъекту:

- организационная целостность — внутренний порядок организации (структура, органы, их компетенция), зафиксированная в учредительном документе;
- имущественная обособленность — владение имуществом, отдельным от собственности его учредителей, что проявляется в присутствии уставного капитала, независимого баланса, банковского счета;
- автономный характер участия в гражданском обороте, что проявляется в возможности приобретать и реализовывать гражданские права, нести ответственность имеющимся имуществом по своим обязательствам, быть истцом и ответчиком в суде.

Унитарному юридическому лицу надлежит закрепить наименование и место нахождения, указанием данных в учредительных документах.

Наименование неизменно включает в себя указание на его организационно-правовую форму. В отношении некоммерческих (а при предусмотренных законом случаях в отношении коммерческих) учреждений введено требование о наличии в названии указания на вид деятельности юридического лица. В наименование коммерческой организации должно входить обязательное фирменное наименование, которое не может состоять только из слов, обозначающих род деятельности.

Под учредительными документами понимаются документы, которые обеспечивают юридическое основание для деятельности юридического лица. Законодатель относит к числу учредительных документов устав организации или (и) учредительный договор, а также положение.

Устав унитарного юридического лица содержит общие положения, которые перечисляют фирменное наименование, указывают на место нахождения, цели, предмет, виды деятельности, сведения об органе или органах, осуществляющих полномочия собственника имущества предприятия (или организации), перечисляет фонды, создаваемые унитарным предприятием, размеры, порядок формирования и использования этих фондов.

Правовая природа унитарного предприятия не предполагает многообразия форм собственности, используемой при его создании — такое предприятие может быть создано на основе либо государственной (Российской Федерации, ее субъекта), либо муниципальной (муниципального образования) собственности.

Создание унитарных предприятий на основе объединения имущества, находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов Федерации или муниципальных образований, запрещено императивной нормой (см. п. 4 ст. 2 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях») [2].

Данные предприятия формируются по таким причинам:

- для того, чтобы располагать имуществом, которое невозможно приватизировать;
- чтобы осуществлять работу касательно реализации важных целей, продавая некоторые услуги, а также товары по доступным ценам, а также осуществляя товарную интервенцию касательно товаров первой необходимости;
- чтобы осуществлять некоторые виды работ, которые должны датироваться, а также вести убыточное производство.

Итак, унитарность подразумевает под собой определенную форму работы организации, у которой есть такие особенности:

- создание данного юридического лица осуществляется тогда, когда владелец выделяет определенную долю в имущественной массе, а не при помощи юридического лица имеет в своей собственности имущество, которое находится на праве хозяйственного ведения либо же оперативного управления, а соответственно разделить его на части нельзя;
- членство не рассматривается;
- управление происходит только одним лицом.
- объединения имущества некоторого количества субъектов;

Законодательная база касательно унитарных предприятий гласит, что основной их работой выступает поиск решений задач, которые имеют государственное значение. При формировании указанных юридических лиц, государство предоставляет им имущество, что будет находиться в их собственности на праве осуществления хозяйственного ведения либо оперативного управления.

Всякое название, что дается данному субъекту, должно раскрывать принадлежность имущества. Это четко прописано в уставных документах. Данное предприятие отвечает по возникшим обязательствам в пределах данного имущества, при этом, не неся ответственности перед его владельцем [4].

По характеру прав и объему правомочий Гражданского кодекса Российской Федерации [1] и специальный закон предусматривают два вида коммерческих унитарных предприятий:

- предприятие, основанное на праве хозяйственного ведения;
- предприятие, основанное на праве оперативного управления.

Общие положения, предусмотренные ст. 113 и ст. 114 Гражданского кодекса Российской Федерации о создании унитарного предприятия, его уставном фонде распространяются на оба эти предприятия.

Каковы же перспективы совершенствования законодательства об унитарных предприятиях? Ответ на этот вопрос дан в Концепции развития гражданского законодательства [3]. Организационно-правовая форма унитарного предприятия рассматривается как следствие сохранения в гражданском праве России институтов прежнего советского гражданского права, основанного на плановой экономике. Очевидным является бесперспективность этой формы. На наш взгляд, целесообразно сохранить унитарные предприятия в форме казенных, причем только федеральные, в наиболее важных для государства, общества сферах.

Представляется целесообразным изложить суждения относительно понятия унитарного юридического лица (ст. 65.1 Гражданского кодекса Российской Федерации).

По-нашему мнению, по сравнению с определением корпоративного юридического лица, признаки унитарного «скудно» отражают его юридическую природу. В отношении такого вывода следует присоединиться к точке зрения, отраженной в ряде научных публикаций. Настолько большое внимание уделено в Гражданском кодексе Российской Федерации корпоративным организациям, что само юридическое лицо ассоциируется только с корпоративными организациями. Но ведь в хозяйственном обороте значительное место принадлежит и унитарным предприятиям, которые являются коммерческими. Их правовой статус, перспективы законодательного регулирования необходимо более четко и корректно регламентировать.

Выводы. В новых экономических условиях унитарные предприятия как коммерческие юридические лица участвуют в гражданском обороте. Являясь субъектами другого (ограниченного) вещного права, обеспечивают развитие экономики страны. Законодательное определение правового статуса субъектов права хозяйственного ведения, права оперативного управления целесообразно определять из реальной потребности государства.

На сегодняшний день проблемные аспекты правового статуса унитарных предприятий указывают на то, что данная организационно-правовая форма не отвечает потребностям современного гражданского оборота.

Целесообразность реформирования государственных предприятий, использующих для осуществления своей деятельности комплекс государственного имущества, объясняется их негативным влиянием на развитие добросовестной конкуренции в Российской Федерации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.
3. Андреев В. К. Корпорация как самостоятельный субъект права // Гражданское право. 2015. № 1. С. 7.
4. Гаюров Ш. К. Унитарное предприятие // Правовая жизнь. 2015. № 3 (11). С. 118–125.
5. Коновалова Е. С., Кузнецова А. С. Унитарное предприятие и публичное акционерное общество: кому отдать голос? // В сборнике: Актуальные вопросы развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор С. В. Нечаева. 2017. С. 126–128.

Компетенция органов власти в сфере лицензирования предпринимательской деятельности

Ретенко Иван Викторович, студент
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье рассматривается перечень органов власти в сфере лицензирования предпринимательской деятельности и компетенция органов власти в сфере лицензирования предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: лицензирование, лицензия, лицензируемый вид деятельности; государственное регулирование.

Competence of authorities in the sphere of business licensing

The article considers list of authorities in the sphere of business licensing and competence of authorities in the sphere of business licensing.

Keywords: licensing, license, licensed activity, state regulation.

Назначение лицензирования состоит в установлении государственного контроля за осуществлением определенных видов предпринимательской деятельности, которые сопряжены с реализацией наиболее важных публичных интересов. Регулирующее воздействие государства на экономику посредством лицензирования отдельных видов деятельности реализуется через лицензирующие органы. Поэтому важно в настоящем исследовании определить перечень органов власти, компетенцию органов власти, сравнение действующего законодательства и предыдущего в сфере лицензирования предпринимательской деятельности.

В ст. 3 Федерального закона № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» содержится определение: лицензирующие органы — уполномоченные федеральные органы исполнительной власти и (или) их территориальные органы, а в случае передачи осуществления полномочий Российской Федерации в области лицензирования органам государственной власти субъектов Российской Федерации — органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие лицензирование [2].

Действующее законодательство в изучаемой сфере значительно расширило полномочия Правительства РФ в области лицензирования, добавлены несколько полномочий по лицензированию предпринимательской деятельности.

Одним из них является полномочие по утверждению порядка предоставления документов по вопросам лицензирования в форме электронных документов, подписанных электронной подписью, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе, единого портала государственных и муниципальных услуг.

Следующее полномочие касается утверждения типовой формы лицензии. Ранее действующий Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 128-ФЗ не закреплял типовую форму лицензии, что порождало разногласия при оформлении лицензий и в названии документа, подтверждающего право на осуществление определенного вида деятельности. На наш взгляд, правильным является подход законодателя по устранению такого противоречия. Нельзя не согласиться с мнением тех ученых, которые отмечают, сравнивая предыдущее правовое регулирование лицензирования, что действующий закон, регулирующий

изучаемые правоотношения, установил четкий порядок утверждения типовой формы лицензии, а также закрепил уполномоченный на это орган исполнительной власти — Правительство РФ.

Еще одним из вновь введенных полномочий Правительства РФ является утверждение показателей мониторинга эффективности лицензирования, порядка проведения такого мониторинга, порядка подготовки и представления ежегодных докладов о лицензировании [4]. На наш взгляд, нововведение является положительной мерой в процессе совершенствования законодательства в сфере лицензирования. Ведь мониторинг позволяет определить необходимость и возможность корректировки законодательства, определить подход правоприменительных органов в данной сфере, установить, является ли этот подход соответствующим действующему законодательству.

В целом законодателем Правительству РФ отведена одна из главных ролей в процессе лицензирования отдельных видов деятельности.

Постановлением Правительства РФ от 21 ноября 2011 г. № 957 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности» [3] установлен Перечень органов, федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих лицензирование конкретных видов деятельности. В него включены 4 федеральных министерства (Минкультуры России, Минпромторг России, МЧС России, МВД России), 15 федеральных служб (ФСБ России, ФСТЭК России, Ростехнадзор, Роскомнадзор, Ространснадзор), 3 федеральных агентства (Росавиация, Роскосмос, Рослесхоз). Помимо перечисленных органов лицензиарами по видам деятельности, не подпадающих под действие Закона о лицензировании № 99-ФЗ, уполномочены быть Банк России, Минобороны России, Ростехнадзор, Росалкогольрегулирование, ФСБ России, СВР России, ФСТЭК России.

Для осуществления функции по лицензированию, как правило, в федеральных органах исполнительной власти создаются специальные подразделения. В некоторых случаях рассматриваемая деятельность осуществляется только подразделениями центрального аппарата [4].

Конституция РФ (п. 1 ст. 78) наделяет федеральные органы исполнительной власти правом, а не обязанностью, создания территориальных органов для осуществления своих лицензионных полномочий [1]. Поэтому не все федеральные органы исполнительной власти имеют свои территориальные органы, наделенные полномочиями по лицензированию (например, Минпромторг России, Роскосмос). В соответствии со ст. 6 Федерального закона № 99-ФЗ осуществление полномочий Российской Федерации в области лицензирования отдельных видов деятельности может быть передано органам государственной власти субъектов РФ в случаях, предусмотренных федеральными законами [2].

Так, например: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» — ст. 15. Передача осуществления полномочий Российской Федерации в сфере

охраны здоровья органам государственной власти субъектов Российской Федерации; Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» — ст. 7. Полномочия Российской Федерации в сфере образования, переданные для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации. В соответствии с Конституцией Российской Федерации (п. 2 ст. 78) по соглашению с органами исполнительной власти субъектов федерации передача части федеральных полномочий возможна в случаях, если это не противоречит основному закону и иным федеральным законам.

Сегодня на региональный уровень переданы федеральные полномочия по лицензированию образовательной деятельности, деятельности в области оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также медицинской и фармацевтической деятельности.

Законодатель установил возможность передачи полномочий органам местного самоуправления по лицензированию розничной продажи алкогольной продукции (в соответствии с Федеральным законом от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»). Передача отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления сопровождается предоставлением необходимых для их реализации материальных и финансовых средств, за расход которых органы местного самоуправления несут ответственность (ст. 20 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»).

Федеральный закон № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [2] определяет полномочия лицензирующих органов. В отношении этих полномочий необходимо отметить следующее.

Первым полномочием названо осуществление лицензирования конкретных видов деятельности (п. 1). Действующий закон довольно скупо регулирует данное полномочие, делая отсылку на специальное законодательство. Ранее п. 1 ст. 6 Закона 2001 г. о лицензировании (в ред. Федерального закона от 2 июля 2005 г. № 80-ФЗ) подробно устанавливал в отдельной статье ряд полномочий компетентных органов. При этом предусматривалось, что порядок осуществления полномочий лицензирующих органов устанавливается положениями о лицензировании конкретных видов деятельности.

Целесообразным является подход государства по регламентации полномочий и компетенции. Вся структура полномочий отражена в п. 1 с. 3 ФЗ № 99-ФЗ при определении понятия лицензирования, где перечислены все полномочия органов по осуществлению лицензирования. Что устраняет дублирование норм в законе.

Следующим полномочием является проведение мониторинга эффективности лицензирования, подготовка и представление ежегодных докладов о лицензировании. Правительство РФ утверждает показатели мониторинга

эффективности лицензирования, порядок проведения такого мониторинга, порядок подготовки и представления ежегодных докладов о лицензировании [4].

Немаловажным полномочием лицензирующих органов является утверждение форм заявлений о предоставлении лицензий, переоформлении лицензий, а также форм уведомлений, предписаний об устранении выявленных нарушений лицензионных требований, выписок из реестров лицензий и других используемых в процессе лицензирования документов [5]. В качестве примера реализации рассматриваемого полномочия можно упомянуть Приказ ФНС России от 23 мая 2012 г. № ММВ-7-2/348 «Об утверждении формы заявления о предоставлении лицензии, переоформлении лицензии, а также форм уведомлений, предписаний об устранении выявленных нарушений лицензионных требований, выписки из реестра лицензий и иных документов, используемых в процессе лицензирования деятельности по производству и реализации защищенной от подделок полиграфической продукции и деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах».

Таким образом, результаты изучения нормативных правовых актов, регламентирующих предметы ведения и полномочия Российской Федерации, ее субъектов

и органов местного самоуправления, свидетельствуют о том, что в настоящее время в Российской Федерации сформирована многоуровневая система правового регулирования отношений в сфере лицензирования отдельных видов деятельности.

Правительству РФ отведена одна из главных ролей в процессе лицензирования отдельных видов деятельности, которым и определена система лицензирующих органов. Данный орган координирует весь процесс лицензирования, определяя систему органов, занимающихся данной деятельностью, осуществляет мониторинг действий по лицензированию, что позволяет определять необходимость изменения законодательства в этой сфере.

Законодателем четко определены полномочия лицензирующих органов по предоставлению, переоформлению лицензий, продлению срока действия лицензий в случае, если ограничение срока действия лицензий предусмотрено федеральными законами, осуществлению лицензионного контроля, приостановлению, возобновлению, прекращению действия и аннулированию лицензий, формированию и ведению реестра лицензий, формированию государственного информационного ресурса, а также по предоставлению в установленном порядке информации по вопросам лицензирования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014, глава 2, ст. 35.
2. О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 30.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СЗ РФ. — 2011. — № 19. — ст. 2716.
3. Об организации лицензирования отдельных видов деятельности: постановление Правительства РФ от 21.11.2011 № 957 (ред. от 22.11.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СЗ РФ. — 2011. — № 48. — ст. 6931.
4. Клименко А. В., Жулин А. Б. «Анализ механизмов правового регулирования предпринимательской деятельности в России», Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016 г. С.97.
5. Прасолов А. Р., Добровинская А. В. К вопросу о лицензировании деятельности индивидуальных предпринимателей // Вестник юридического факультета, 2016. — С. 203.

Правовые последствия некачественного оказания медицинских услуг

Сохрякова Анастасия Вячеславовна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

На сегодняшний день рынок медицинских услуг достаточно разнообразен. Каждая медицинская организация, которая дорожит своей репутацией, постоянно стремится повышать качество предоставляемых услуг, дабы привлечь большее количество потребителей. Любой человек, обращаясь за медицинской услугой, желает получить качественно оказанную помощь без каких-либо негативных последствий для своего здоровья. Но не всегда медицинская организация оказывает услугу качественно, впоследствии чего пациенту может быть нанесён вред здоровью, психоэмоциональному и имущественному состоянию. В будущем к исполнителю, который некачественно оказал медицинскую услугу, могут быть применены меры ответственности. Данная статья содержит в себе анализ видов ответственности и применения ее на практике.

Ключевые слова: медицинская помощь, оказание медицинских услуг, моральный вред, гражданско-правовая ответственность.

В Гражданский кодекс входят нормы, которые являются основаниями компенсации за причиненный вред вследствие неисполнения обязательств. Гражданско-правовую ответственность медицинской организации можно систематизировать по признаку наличия или отсутствия договорных отношений с потерпевшим на: деликтную (внедоговорную) и договорную (вытекает из договорных обязательств).

Гражданско-правовая ответственность наступит в случае, если в действиях исполнителя в совокупности есть данные факты:

- причинение вреда пациенту;
- противоправность деяний;
- причинная связь между противоправным деянием и вредом;
- вина медицинской организации.

Немаловажным аспектом в данных правоотношениях является субъектный состав. В своей работе Шевчук отмечает, что «причинителями вреда в рассматриваемом правоотношении выступают медицинские работники, непосредственно оказывающие медицинские услуги, а потерпевшими — пациенты, потребляющие медицинские услуги» [11].

Если в процессе оказания медицинских услуг пациенту был причинен вред, то он имеет право требовать от исполнителя договора возмещения как материального, так и морального вреда, что следует из статьи 1064 ГК РФ [1, ст. 1064]. Обращаясь к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» можно определить, что пострадавшему может быть возмещен утраченный им заработок, затраты на лечение и иные дополнительные расходы (на дополнительное питание, приобретение препаратов, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение и др.) [7, п.27].

Кроме того, пациент вправе требовать возмещения морального вреда. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» дается определение того, что подразумевается под моральным вредом. Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и др.) либо нарушающими материальные права гражданина. Моральный вред, в частности, может заключаться в невозможности продолжить активную общественную жизнь, лишении работы, раскрытии врачебной тайны [6, п.2]. Из сложившейся судебной практики можно сделать вывод, что чаще всего взыскание морального вреда удовлетворяется, но, как правило, в меньшем объеме, чем требует пострадавший. Так гражданка

Коновалова Н. С. обратилась в суд с иском к ОАО МСЧ АГ и ОАО «ММК» (далее медсанчасть комбината) о компенсации морального вреда в размере 300000 руб. В основание иска указала, что в период с 1 по 16 ноября 2010 года находилась на стационарном лечении в отделении медсанчасти комбината. Медицинская помощь ей оказывалась по полису обязательного медицинского страхования. 4 ноября 2011 года медсестра отделения сделала ей внутривенный укол хлористого кальция. Во время инъекции она почувствовала сильную боль, так как лекарство попало под кожу. В результате оказания некачественной медицинской помощи ей был поставлен диагноз — <данные изъяты>. По ее заявлению внештатным врачом-экспертом ООО СМК «Астра-Металл» была проведена внеплановая экспертиза качества медицинской помощи, и было установлено, что <данные изъяты> возник после внутривенного введения раствора хлористого кальция. Вина медицинского учреждения в причинении вреда здоровью истицы установлена. Суд пришел к выводу, что требование истцы о компенсации морального вреда подлежит удовлетворению частично в сумме 30000 руб. [9]. Касаясь оценки морального вреда, суду стоит учитывать фактические обстоятельства причинения вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий [2, п.8].

Ответственность за некачественно выполненную услугу предусмотрена в Законе «О защите прав потребителей». А именно, в статье 14 Закона говорится об имущественной ответственности, которая наступает за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков товара (работы, услуги). В данном случае стоит отметить, что вред, причиненный вследствие недостатков работы или услуги, подлежит возмещению исполнителем, только в случае, если будет доказана его вина. Причем, при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на исполнителе услуг [8, п.28]. Тем не менее, в судебной практике есть дела, где суд по каким-то причинам возлагает бремя доказывания на пострадавшую сторону. Примером может служить дело, которое произошло в Республике Саха (Якутия), гражданка обратилась в суд с иском, ссылаясь на то, что в период с 7 по 13 октября 2015 г. ее дочь находилась на стационарном лечении в инфекционном отделении ГБУ РС (Я) «Мирнинская ЦРБ». 13 октября 2015 г. ребенок был выписан как выздоровевший с назначением лекарственных препаратов и рекомендациями по уходу за ним. По мнению истца, вследствие некачественного лечения состояние ребенка ухудшилось, в связи с чем 15 октября 2015 г. мать с ребенком выехала в г. Новосибирск, где ребенок был экстренно госпитализирован в ГБУЗ Новосибирской области «Детская городская клиническая больница N 3» в детское инфекционное отделение для новорожденных детей, в котором находился с 15 по 20 октября 2015 г. с клиническим диагнозом: <...>.

В связи с ненадлежащим, по мнению истца, оказанием ответчиком медицинской помощи ее ребенку истец просила суд взыскать с ГБУ РС (Я) «Мирнинская ЦРБ» возмещение расходов на лечение и на проезд к месту лечения в размере 30 317 руб., а также компенсацию морального вреда — 500 000 руб. Решением Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) иск удовлетворен частично, с ответчика в пользу истца взыскан материальный ущерб в размере 30 317 руб., компенсация морального вреда 100 000 руб., штраф — 65 158,59 руб., с ответчика в доход местного бюджета взыскана государственная пошлина 4 563,51 руб. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) решение суда первой инстанции отменено, принято новое решение об отказе в иске. Суд апелляционной инстанции обязанность доказывания вины ответчика возложил на истца, освободив ответчика от установленной законом обязанности доказать отсутствие вины. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) отменила и дело направила на новое рассмотрение [4]. В статье 15 того же закона предусмотрена возможность возмещения морального вреда. Размер данной компенсации не зависит от суммы возмещения материального вреда [2, ст. 14,15].

Важно заметить, что гражданско-правовая ответственность — это не единственная разновидность ответственности, которая может быть применена к исполнителю медицинских услуг. Возможно привлечение

к уголовной и административной ответственности. Уголовная ответственность наступит при оказании услуг, которые не будут отвечать требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей [10, ч.1 ст. 238]. Административная ответственность наступает за оказание населению услуг, не соответствующих требованиям нормативных правовых актов, устанавливающих порядок выполнения работ либо оказания населению услуг [3, ч.1 ст. 14.4].

Как показывает практика, не всегда правовые последствия повлекут за собой ответственность. Плотникова в своей статье пишет, что «в ситуациях определенных законом, исполнитель по договору возмездного оказания медицинских услуг освобождается от ответственности — это несчастный случай. Под несчастным случаем понимается непредвиденное стечение обстоятельств и условий, которые влекут причинение вреда здоровью пациента, и вследствие которого возможно наступление смерти пациента» [5].

Подводя итог вышеизложенному нужно отметить, что регулирование гражданско-правовых отношений в сфере ответственности за некачественное оказание медицинских услуг имеет достаточно широкую нормативную базу, что говорит о большой значимости этих отношений, об особом месте данных отношений в гражданском праве. Главным отличием гражданско-правовой ответственности от других видов будет то, что она имеет компенсационный характер и направлена на восстановление нарушенного права, что в конечном итоге преследует каждый гражданин, обращаясь в суд за защитой нарушенных прав.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 (ГК РФ ч.2) // СПС Консультант
2. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 (ред. от 18.07.2019) «О защите прав потребителей» // СПС Консультант
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС Консультант
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.06.2017 N 74-КГ17–5 // СПС Консультант
5. Плотникова А. В. Правовые последствия нарушения договора возмездного оказания медицинских услуг // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2019. — № 4 (апрель) — 0,4 п. л. URL: <http://e-koncept.ru/2019/193024.htm>, с.1–6.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // СПС Консультант
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС Консультант
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС Консультант
9. Решение Ленинского районного суда г. Магнитогорска от 10.11.2010 г. № № 2–1095/2011 // <http://www.gscourts.ru/case/1100591>
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС Консультант
11. Шевчук Е. П. Правовая природа отношений по возмещению вреда, причиненного повреждением здоровья при оказании медицинских услуг // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 2, с.14–19.

Анализ судебной практики по внеконкурсному оспариванию сделок

Цыкунова Анна Андреевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье поднимается проблема неурегулированности «паулианова иска» или внеконкурсного оспаривания сделок должника, когда кредитору необходимо оспорить злостную сделку по выведению активов без возбуждения дорогостоящего и длительного процесса банкротства должника. К сожалению, российским законодательством на данный момент не предусмотрена прямая возможность на внеконкурсное оспаривание, поэтому на основании анализа судебной практики показаны те особенности «паулианова иска», которые удалось сформировать судам в последние годы.

Ключевые слова: злоупотребление правом, внеконкурсное оспаривание, должник, несостоятельность (банкротство), оспаривание сделок должника

На данный момент является до сих пор насущным вопрос об оспаривании «злостных» сделок должника, заключаемых им с той единственной целью, чтобы не дать обратиться взыскание кредитору на имеющееся, но выбывшее из владения у должника имущество, вернуть которое в рамках обычного гражданского оборота не представляется возможным. Кредитору в этом случае остается лишь инициировать процедуру банкротства, в рамках которой, после длительного, дорогостоящего и не всегда эффективного механизма оспаривания, появляется шанс на возвращение ликвидного актива. По этой причине еще в 2015 году был предложен Проект Федерального закона № 711269–6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.01.2015), направленный на регламентацию внеконкурсного оспаривания сделок. И хоть самому проекту не было суждено стать внедренным в отечественное законодательство по причине собственного несовершенства, сама идея имплементации данного института по примеру зарубежных правовых порядков была поддержана.

Первый отклик со стороны судебной практики был получен в п. 10 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации». Данное разъяснение положило еще тогда неустойчивое начало разрешению оспаривания сделок вне банкротства, но так и не нашло дальнейшего массового применения, вплоть до 2015 года, где уже Верховный Суд РФ (далее — ВС РФ) начал аккуратно прокладывать путь по внеконкурсному оспариванию сделок [1].

Первые споры были очевидны своим намерением причинить вред кредиторам и заключались как правило в том, что должник, узнав об обращении кредитора в суд, в непродолжительный период времени после этого передавал свое имущество аффилированным лицам, чем исключал возможность обратиться на такое имущество взыскание. Страждущий же кредитор, осознавая незаконность сего действия, обращался в суд с требованием признать сделку недействительной, опираясь на статью 10 ГК РФ как на единственный механизм, способный при отсутствии законодательного урегулирования, выявить и пресечь такое недобросовестное поведение.

Для защиты нарушенного права кредитора в ситуациях, когда иным образом его не удалось восстановить, ВС РФ в еще первых судебных актах, посвященных внеконкурсному оспариванию, ввел определенные критерии, позволяющие судам при анализе сделки через призму добросовестности, выявлять ее порочность и благодаря этому признавать недействительной. В частности, это такие критерии, как наличие или отсутствие цели совершения сделки, отличной от цели, обычно преследуемой при совершении соответствующего вида сделок, наличие или отсутствие действий сторон по сделке, превышающих пределы дозволенного гражданским правом осуществления правомочий, наличие или отсутствие негативных правовых последствий для участников сделки и т. д. [2]. Поэтому в связи с тем, что внеконкурсное оспаривание так и находится вне поля законодательного урегулирования, судам под эгидой ВС РФ приходится самостоятельно шаг за шагом прокладывать практику оспаривания вне банкротства, разрешая возникающие в ходе такого продвижения проблемы, регулирование которых все еще часто зависит от усмотрения конкретного суда.

Одной из таких проблем является неопределенность периода оспаривания. На основе судебной практики на данный момент представляется трудным определить точный период внеконкурсного оспаривания, аналогичный периоду подозрительности, установленного в 26.10.2002 № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве). Суды признают недействительными сделки, как совершенные после вынесения решения суда о взыскании задолженности, так и возникшие до такого решения, но в которых удалось доказать единственную цель заключенной сделки — причинение вреда кредитору. Например, в одном из рассмотренных дел оспариваемая сделка была совершена за 5 месяцев до итогового решения о взыскании задолженности с должника [3].

При сопоставлении периода подозрительности, установленного Законом о банкротстве, и с еще неоднозначным периодом внеконкурсного оспаривания, возникает вопрос о правовой природе таких сделок. Если при внеконкурсном оспаривании сделка становится ничтожной в силу статей 10 и 168 ГК РФ, то при применении специальных оснований оспаривания Закона о банкротстве такая сделка уже является оспоримой.

Соответственно законодательное закрепление внеконкурсного оспаривания, влекущее ничтожность, может породить различия определения сроков давности однородных сделок, исчисление которых будет зависеть от примененной к ним процедуры.

Если опираться на зарубежный опыт, то, например, в Немецком законе о внеконкурсном производстве, как указывает Усачева К. А., установлен период «подозрительности» протяженностью в 10 лет до оспаривания при условии, если действия должника совершены с намерением причинить вред интересам своих кредиторов [4, с. 25]. Аналогичный подход в Германии применен и к банкротному процессу, где сделки «*in fraudem creditorum*» подлежат оспариванию, если они совершены в последние 10 лет до подачи заявления о признании должника несостоятельным [5, с. 195]. В российских реалиях введение периода «подозрительности» в 10 лет, как это предлагается Экспертным заключением [6], приведет к различию применяемых подходов по исчислению сроков в рамках банкротства и за его пределами. Поэтому, на наш взгляд, для соблюдения единообразия по исчислению сроков необходимо придерживаться подхода, закрепленного в Законе о банкротстве, где такие фраздаторные сделки признают оспоримыми.

Кроме того, судебной практикой пока не установлен конкретный перечень сделок, подлежащих оспариванию. На данный момент судами за рамками банкротства были рассмотрены такие виды договоров как купля-продажа, дарение, передача в доверительное управление, заключение брачного договора. При этом законодательством о банкротстве предусмотрен более широкий перечень, включающий в себя не только сделки, но и различные действия должника (ст. 61.1 Закона о банкротстве). Инкорпорация такого широкого перечня в принципе видится разумной и во вне банкротное оспаривание, поскольку такой подход позволит избежать ситуаций, когда наделенное «иммунитетом» действие не будет признаваться недействительным из-за отсутствия на это законодательного «разрешения».

Следующий вопрос заключается в определении круга субъектов внеконкурсного оспаривания. Ответчиками выступают не только первоначальные покупатели скрываемого имущества в роли аффилированных с должником лиц, но и последующие приобретатели спорного имущества, в том числе и добросовестные, а также и сам должник или его правопреемники в качестве дополнительных ответчиков. В тех ситуациях, когда при внеконкурсном оспаривании конечным покупателем спорного имущества становится добросовестное лицо возратить имущество в натуре при признании сделки недействительной становится невозможным (статьи 301, 302 ГК РФ). Тогда для восстановления нарушенного права кредитора судами ставится вопрос об взыскании реальных убытков с первого недобросовестного покупателя по реально отчужденной цене [7], либо если она была занижена об возмещении полной стоимости имущества, вы бывшего из владения должника [8].

На данный момент в большинстве случаев внеконкурсное оспаривание инициируют кредиторы

при этом по аналогии с банкротством, где есть специальный субъект, уполномоченный на такого рода действия, в внеконкурсном также предлагалось предоставить данное право судебному приставу по проекту Федерального закона № 711269–6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве». Данное предложение в последующем было апробировано и судебной практикой, в частности в деле ВС РФ от 18 апреля 2017 г. № 77-КГ17–7 истцами по оспариванию сделки выступили несколько судебных приставов, требующих признать договор купли-продажи полуприцепа недействительным.

Важно отметить, что в данном деле приставы предъявили иск только о признании сделки недействительной (п. 2 ст. 166 ГК РФ), без требования о применении последствий ее недействительности (п. 3 ст. 166 ГК РФ). Как отмечает Ерохова М. А., связано это с тем, что судебный исполнитель как лицо, не являющееся стороной сделки, столкнется со сложностью применения реституции: ему надо будет каким-то образом понуждать стороны сделки вернуться в состояние, предшествовавшее ее заключению [9, с. 68]. При этом по правовой логике кредитор, так же, как и пристав не имеет возможности просить применить реституцию, поскольку законодательно на это уполномочены лишь сами стороны оспариваемой сделки. Для разрешения сложившейся проблемы ВС РФ допустил расширить субъективный состав в исключительных случаях тогда, когда не установлен иной способ защиты права третьего лица (абз. 2 п. 78 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25). Данное разъяснение было положено в основу и в Определении Верховного Суда РФ от 03.05.2017 № 301-ЭС16–20128 по делу № А28–12640/2015, где суды допустили по иску третьего лица признать сделку недействительной, но при этом ошибочно отказались применять последствия такой недействительности из-за неуполномоченности на это кредитора. Соответственно, как отмечает Карапетов А. Г. подобное допущение вопреки букве закона может иметь лишь характер исключения, классическим примером которого является «внеконкурсное оспаривание» сделок должника [10, с. 395].

В Законе о банкротстве ключевая роль по оспариванию отдается независимому от сторон субъекту — арбитражному управляющему и только в исключительных случаях делегируется кредиторам для защиты последними своих законных интересов. Для внеконкурсного процесса наличие исключительно специального субъекта в виде судебного пристава видится не совсем корректным, поскольку данное лицо может не обладать специальными знаниями для оспаривания различных сделок, к тому же ответственность которую несет пристав в разы менее существенная чем та, которую несет за свои действия арбитражный управляющий, что в свою очередь может привести к различным безнаказанным злоупотреблениям. Поэтому если в законодательстве о банкротстве круг субъектов прямо предусмотрен законом, то внеконкурсное оспаривание на общегражданских основаниях порождает лишь путаницу в субъектах,

для разрешения которой ВС РФ приходится допускать различные исключения.

Исходя из вышеописанного, следует вывод, что внеконкурсное оспаривание неурегулированное в России еще только начинает свое формирование и поэтому многие вопросы, хоть и охваченные судебной практикой, все же еще остаются неразрешенными. Во-первых, это касается неопределенности тех условий, которым должна соответствовать сделка, чтобы попасть в «зону риска» внеконкурсного оспаривания. По аналогии с Законом о банкротстве, где представлены такие виды сделок как направленные на причинение вреда кредиторам (п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве) и сделки с предпочтением (ст. 61.3 Закона о банкротстве), видится разумным позаимствовать только первый из названных видов. Что же касается включения во внеконкурсное оспаривание сделок с предпочтением или преференциальных, то, это на наш взгляд, ограничит присущую гражданскому праву диспозитивность, что в рамках обычного гражданского

оборота недопустимо. Во-вторых, это присутствующая на данный момент неопределенность периода оспаривания, которая ставится в зависимость от усмотрения конкретного суда и ограничивается только объективным сроком исковой давности. Если принимать во внимание, что оспариваться будут, как указано выше, только фраздаторные сделки, то и для единства подходов необходимо применять «период подозрительности» аналогичный тому, что указан в законе о банкротстве по данному виду сделок. В-третьих, это «расплывчатость» круга субъектов управомоченных на оспаривание. Так как внеконкурсное оспаривание представляет собой «миниатюрную» версию банкротного процесса, направленную, как правило, на защиту одного кредитора, то видится разумным предоставлять право на оспаривание не только специальному субъекту, такому как, например, пристав, но и самому кредитору, непосредственно заинтересованному в возвращении ликвидного актива в имущественную массу должника.

Литература:

1. См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 4-КГ15–54; от 8 декабря 2015 г. № 5-КГ15–179; от 8 декабря 2015 г. № 34-КГ15–16. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
2. См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда от 1 декабря 2015 г. № 4-КГ15–54. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
3. См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда от 8 декабря 2015 № 5-КГ15–179. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
4. Усачева К. А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. № 5. С. 8–54.
5. Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018. 239 с.
6. Экспертное заключение на проект Федерального закона № 711269–6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 30.03.2015 № 140–3/2015). Доступ из СПС КонсультантПлюс.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 78-КГ19–4. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13.06.2017 по делу № 301-ЭС16–20128, А28–12640/2015. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
9. Ерохова М. А. О частных судебных исполнителях в российском правопорядке // Закон. 2018. № 8. С. 62–70.
10. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0] 1264 с.

АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Субъекты, уполномоченные подавать заявления об оспаривании сделки должника в рамках дел о несостоятельности

Порхунов Владимир Сергеевич, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В статье исследуются круг субъектов, уполномоченных подавать заявления об оспаривании сделки должника в рамках дел о несостоятельности.

Ключевые слова: сделка должника, оспаривание сделок должника, банкротство.

Право на оспаривание сделок должника в рамках дел о несостоятельности принадлежит ограниченному кругу лиц, перечисленных в ст. 61.9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В него входят две категории субъектов:

1) арбитражный управляющий в качестве которого может выступать внешний или конкурсный управляющий в зависимости от стадии банкротства.

2) конкурсный кредитор или уполномоченный орган при условии, что «если размер кредиторской задолженности перед ним, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более десяти процентов общего размера кредиторской задолженности» [12, с. 152]. Конкурсный кредитор как субъект, уполномоченный подавать заявления об оспаривании сделки должника в рамках дел о несостоятельности, появился в связи с вступлением в силу Федерального закона от 22 декабря 2014 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [1, с. 7543]. В связи с этим, в п. 17 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 требуется внести соответствующие изменения, поскольку, говоря о лицах, имеющих право оспаривать сделки, в правовом документе не упоминается конкурсный кредитор, Пленум ограничивается указанием только на одного субъекта — арбитражного управляющего.

Названные субъекты обладают универсальной правоспособностью в сфере подачи заявления об оспаривании сделки должника.

В некоторых случаях право оспаривания сделок должника предоставляется еще двум категориям субъектов: представителю кредиторов и временной администрации финансовой организации.

Все остальные лица, помимо названных, лишены права на самостоятельную подачу заявлений об оспаривании сделок должника. Этот запрет подвергается

критике в научной литературе. Дискуссии ведутся относительно объема полномочий и круга субъектов, имеющих право участвовать в процедуре оспаривания.

Во-первых, ряд авторов, анализирующих полномочия временного и административного управляющего на оспаривание сделок в рамках дел о несостоятельности, приходят к выводу о том, что ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» следует толковать расширительно. По их мнению, временному управляющему следует предоставить полномочия не только по оспариванию сделок, совершенных с нарушением требований ст. 63 и 64 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», но и в отношении всех остальных сделок, заключенные как после, так и до возбуждения производства по делу о банкротстве [14, с. 77]. Представители этой позиции полагают, что целесообразно изменить положения ст. 66 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», предоставив временному управляющему право на оспаривание любой сделки, при условии отсутствия последующего одобрения на ее совершение [11, с. 84]. Иными словами, каждая сделка должника в обязательном порядке должна пройти согласование под угрозой возможности признания ее недействительной, в том числе и сделки, совершенные до возбуждения производства по делу о банкротстве [13, с. 9].

Представляется, что данный подход к толкованию норм ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» является спорным. Комплексный анализ положений института оспаривания сделок в рамках несостоятельности не выявил наличие достаточных оснований для предоставления временному и административному управляющему права оспаривать любые сделки должника. По справедливому мнению С. А. Кузнецова, в данном случае следует исходить из того, что целью производства по делу о банкротстве не может являться оспаривание сделок должника. Данная процедура необходима только для того, чтобы способствовать достижению основных целей в рамках банкротства — это удовлетворение требований

кредиторов и формирование необходимого объема конкурсной массы [8, с. 95]. Продолжая эту мысль, следует заметить, что такие процедуры как наблюдение и финансовое оздоровление, своим итогом могут иметь решение об отказе в признании должника банкротом. На основании ст. 56 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» это повлечет прекращение действия всех ограничений, предусмотренных законом. Следовательно, предоставление временному и административному управляющему права оспаривать сделки должника, совершенные до возбуждения производства по делу о банкротстве, будет угрозой стабильности гражданского оборота и определенности гражданских правоотношений.

Таким образом, законодательно установленная возможность оспаривания временным и административным управляющим сделок должника только в рамках производства по делу о банкротстве полномочия временного управляющего в связи с нарушением запретов, предусмотренных ст. 63 и 64 Закона о банкротстве, представляется обоснованным. Отметим, что сделанный вывод находит свое подтверждение в судебной практике. К примеру, Арбитражный суд Северо-Западного округа отказал в удовлетворении требований, заявленных временным управляющим, указав на то, что его права на оспаривание сделок должника в процедуре наблюдения ограничены положениями абзаца второго пункта 1 статьи 66 Закона о банкротстве, что влечет отказ в удовлетворении заявления [4].

Вторым моментом, который является предметом для дискуссии в научной литературе, является вопрос о требованиях кредиторов, их количественном и качественном составе. В судебной практике и юридической доктрине высказаны кардинально противоположные позиции.

Основная позиция судов заключается в том, что размер кредиторской задолженности отдельного кредитора для получения возможности предъявления требований должен превышать 10 процентов от общего размера кредиторской задолженности. Если требования составляют размер меньший, чем 10 процентов, у кредитора отсутствует право на оспаривание сделок должника. Эта позиция превагирует в судебной практике и основывается на ст. 61.9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Как показывают результаты статистического исследования, в 2018 г. по сумме долга заявления о признании должника-банкротом распределяются следующим образом:

- менее 500 тыс. рублей — 19,4 %;
- от 500 тыс. включительно до 3 млн рублей — 57,4 %;
- свыше 3 млн до 10 млн рублей — 13,4 %;
- свыше 10 млн до 100 млн рублей включительно — 7,6 %;
- свыше 100 млн до 1 млрд рублей — 1,8 %;
- свыше 1 млрд — 0,3 % [9].

Учитывая эти показатели, можно сделать вывод о том, что размер требований кредитора в среднем должен составлять от 50 000 до 300 000 руб., поскольку наибольший процент приходится на сумму долга от 500 тыс. включительно до 3 млн рублей — 57,4 %.

Действительно, положения ст. 61.9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не вызывает сомнения относительно ее содержания. Законодатель четко установил, что уполномоченный кредитор должен иметь размер кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, более десяти процентов от общего размера кредиторской задолженности. Однако из содержания нормы неясно, можно ли конкурсным кредиторам объединиться для того, чтобы собрать необходимые 10 процентов и получить право на оспаривание сделки должника.

В юридической доктрине, в отличие от судебной практики традиционно признается наличие такой возможности у конкурсных кредиторов [5, с. 2]. В судебной практике эта позиция также нашла отражение, хоть и не столь распространенное. В одном из решений Верховного суда РФ суд указал, что предоставленная возможность соединить требования нескольких конкурсных кредиторов для того, чтобы оспорить сделку должника и восстановить нарушенные свои права соответствует целям конкурсного производства, как и всей процедуры банкротства [2]. Аналогичные позиции можно встретить и в решениях нижестоящих судов. К примеру, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 декабря 2018 г. № Ф14–3356/2018 сказано, что «кредиторы, размер требований которых составляет менее 10 % от общей суммы кредиторской задолженности, вправе обратиться к конкурсному управляющему с предложением об оспаривании сделок должника в соответствии со статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, а при уклонении управляющего от такого оспаривания — обратиться с жалобой на его действия. Одновременно такие кредиторы могут оспорить соответствующие сделки, заявив ходатайство о приостановлении производства по заявлению до рассмотрения по существу жалобы на бездействие управляющего» [4].

Присоединяясь к данной позиции, следует заметить, что иной подход к толкованию положений закона о возможности оспаривать сделку должника будет противоречить концептуальной основе процедуры банкротства, поскольку в подобной ситуации права добросовестных кредиторов будут существенно ограничены, а следовательно, восстановление прав как цель оспаривания сделки не будет достигнута. Между тем, анализ судебной практики и норм действующего законодательства позволяет сделать однозначный вывод о том, что законодатель, закрепляя в правовом поле институт оспаривания сделок, преследовал цель защитить интересы кредиторов должника, а также добросовестных приобретателей, которые в свою очередь должны проявлять осмотрительность при заключении сделок и проводить анализ финансового состояния своего контрагента.

Еще одним предметом для дискуссии, получившим разные толкования в научной литературе, является вопрос о возможности прокурора оспаривать сделку должника. Буквальное толкование ст. 34 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» говорит о том, что прокурор таким правом не обладает, поскольку он прямо не назван в числе лиц, участвующих в деле о банкротстве. Однако

его участие можно обосновать положениями абз. 8 п. 1 ст. 35 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», где указывается возможность участия: «иных лиц в случаях, предусмотренных АПК РФ и настоящим Федеральным законом».

Ряд ученых опровергает высказанную позицию, поскольку специальные основания для оспаривания сделок должника направлены за восстановление частных интересов кредиторов, а прокурор осуществляет деятельность по защите публичных интересов [7, с. 86]. Однако если исходить из того, что оспаривание происходит по основаниям, предусмотренным ГК РФ, в силу признания сделки противоправной, прокурор все же имеет право на заявление таких исковых требований вне рамок дел о несостоятельности, поскольку речь идет о защите публичных интересов. Правда, в данном случае, однако рассмотрение подобных дел должно проходить вне процедуры банкротства, а в общегражданском порядке.

В Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 высказана аналогичная позиция. Пленум указал, что «прокурор вправе обращаться в суд с исками, связанными с недействительностью сделок должника по общим основаниям недействительности сделок, предусмотренным гражданским законодательством на основании ч. 1 ст. 52 АПК РФ». Однако в отношении специальных оснований признания сделок должника недействительными полномочия прокурора ограничены, с такими исками прокурор обращаться не вправе.

Проведенное исследование законодательно установленного перечня субъектов, уполномоченных подавать заявления об оспаривании сделки должника в рамках дел о несостоятельности, позволяет сформулировать следующие выводы:

- 1) Закон установил исчерпывающий перечень лиц, обладающих универсальной правоспособностью в сфере подачи заявления об оспаривании сделки должника. К ним относятся арбитражный

управляющий и конкурсный кредитор. Однако данный перечень может быть дополнен еще несколькими категориями субъектов: представителем кредиторов и временной администрацией финансовой организации.

- 2) В отношении прокурора действует правило, согласно которому его участие в оспаривании сделок о банкротстве допустимо, но с определенными ограничениями. Он вправе обращаться в суд с требованием вне рамок дел о несостоятельности, в тех случаях, когда речь идет о защите публичных интересов.
- 3) Комплексный анализ положений института оспаривания сделок в рамках дел о несостоятельности не выявил наличие достаточных оснований для предоставления временному и административному управляющему права оспаривать любые сделки должника. В связи с этим, представляются необоснованными доктринальные суждения о целесообразности изменить положения ст. 66 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», предоставив временному управляющему право на оспаривание любой сделки, при условии отсутствия последующего одобрения на ее совершение.
- 4) Возможность соединить требования нескольких конкурсных кредиторов для того, чтобы оспорить сделку должника и восстановить нарушенные свои права соответствует целям конкурсного производства, как и всей процедуры банкротства. Иной подход к толкованию положений закона о возможности оспаривать сделку должника будет противоречить концептуальной основе процедуры банкротства, поскольку в подобной ситуации права добросовестных кредиторов будут существенно ограничены, а следовательно, восстановление прав как цель оспаривания сделки не будет достигнута.

Литература:

1. Федеральный закон от 22 декабря 2014 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7543.
2. Определение Верховного суда РФ от 10 мая 2016 г. по делу № А27–2836/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ: свободный.
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 декабря 2018 г. № Ф14–3356/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ: свободный.
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 апреля 2016 г. № Ф07–573/16 по делу № А56–2812/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ: свободный.
5. Астафуров А. Ю. Оспаривание сделок по «банкротным» основаниям // Адвокат. 2017. № 3. С. 2;
6. Бычков А. И. Проведение расчетных операций: способы, специфика и риски. М., 2016. С. 48; Улезко А. Кредиторы могут объединиться против должника? // ЭЖ-Юрист. 2016. № 19. С. 2.
7. Гусева А. А. Оспаривание подозрительных сделок как мера, направленная на защиту прав кредиторов при банкротстве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 6–1. С. 86;
8. Кузнецов С. А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): монография. М., 2015. С. 95–96.

9. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по делам о банкротстве за 2018 г. [Электронный ресурс]: http://www.cdep.ru/userimages/sudeb№_aya_statistika/2019/Obzor_sudeb№_oy_statistiki_arbitrag№_ih_sudov_v_2018.pdf (дата обращения: 03.11.2019)
10. Петров Д. А. Исключения из института оспаривания сделок при банкротстве должника // Вестник арбитражной практики. 2012. № 4 (41). С. 17.
11. Пирогова Е. С. Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц — должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве): дис... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2010. С. 84.
12. Рыков Д. А. Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты: дисс... к. ю.н. М., 2019. С. 152.
13. Соколова Н. В. Недействительные сделки в процедурах несостоятельности (банкротства): дис... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2006. С. 9.
14. Телюкина М. В. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 12. С. 77–78.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Виды алиментных правоотношений

Параскева Оксана Викторовна, студент магистратуры
Московский государственный областной университет

В статье рассматриваются проблемы алиментных обязательств и алиментных правоотношений. Исследованы особенности данного вида правоотношений с позиций концепции юридической деятельности

Ключевые слова: семейное правоотношение, алиментное обязательство, плательщик алиментов, получатель алиментов

The article deals with the problems of maintenance obligations and maintenance relations. The features of this type of legal relations are investigated from the standpoint of the concept of legal activity

Keywords: family relationship, alimony obligation, alimony payer, alimony recipient

Ответственность в семейном праве возникает вследствие нарушения одним из участников семейных, в том числе, алиментных правоотношений чьих-либо субъективных прав, либо ввиду неисполнения возложенных на конкретное лицо обязанностей. Сама ответственность такого рода зачастую реализуется также в рамках соответствующих правоотношений, что можно прямо установить из анализа соответствующих положений Семейного Кодекса Российской Федерации [1]. Указанное обстоятельство позволяет говорить о значительной роли алиментных правоотношений в установлении оснований для привлечения к семейно-правовой ответственности, в том числе, ответственности, связанной с алиментированием.

Полагаем возможным и семейное правоотношение рассматривать с точки зрения его сущностных признаков: в части наличия субъективных прав и юридических обязанностей, управомоченных и обязанных лиц, связей между субъектами, характеризующих реализацию субъективных прав и т. п.

Также, уже длительное время в юридической науке в качестве самостоятельного типа правоотношений выделяют семейное правоотношение. Вместе с тем единства мнений не существует и здесь. Основная «точка преткновения» заключается в разделении «обычных» гражданских правоотношений и семейных правоотношений. На наш взгляд более обоснованной является позиция авторов, отстаивающих самостоятельность семейно-правовых отношений как по внешним, «формальным», так и по внутренним, содержательным признакам. Семейное право является самостоятельной отраслью права, так как имеет свой собственный предмет и метод правового регулирования [4, с.44]. Законодатель в статье Семейного кодекса Российской Федерации прямо определил сферу применения гражданского законодательства

в семейном праве, обособив, тем самым, само семейное право и указав нам на его специфику [5, с.109].

Семейные правоотношения достаточно разнообразны, однако их разновидности, в отличие от других отраслей права, не конструируются искусственно, а прямо предусмотрены семейным правом. Мы полагаем, что алиментные правоотношения — самостоятельный тип семейных правоотношений.

В науке алиментные правоотношения определяются через категорию алиментных обязательств, что, по нашему мнению, вряд ли можно признать правильным, так как в таком случае отсутствует выделение имманентных (сущностных) признаков алиментных правоотношений, которые позволили бы нам выделить эту категорию среди других разновидностей семейных правоотношений.

На основе проведенного исследования, мы полагаем возможным предложить собственное определение алиментного правоотношения, под которым понимаем возникающий вследствие императивных требований закона и существующий в строго определенных им рамках имущественный тип семейно-правовых отношений, предусматривающий передачу денежных средств или иного имущества от плательщика алиментов в собственность получателя алиментов в гуманистических и социально-значимых целях и в связи с имевшими место ранее юридически значимыми событиями личностного характера (юридическими составами), с которыми право связывает появление такого рода юридической обязанности.

При этом нельзя забывать, что алиментные правоотношения — это исключительно имущественные правоотношения.

Следует учитывать и то немаловажное обстоятельство, что, алиментные правоотношения всегда возникают в силу прямого указания закона и предусмотрены императивно, а не по соглашению сторон.

Например, передача средств на чье-либо содержание также может быть оформлена соглашением (договором дарения), в том числе, нотариально удостоверенным, однако такого рода формализованная передача денег не повлечет возникновения алиментного правоотношения и не будет обеспечиваться всем комплексом мер по правовой защите интересов получателя алиментов. Алиментное правоотношение возникнет только по основаниям, предусмотренным Семейным Кодексом Российской Федерации, размер алиментов тоже не подлежит диспозитивному регулированию и установлен там же, а в соглашении об уплате алиментов он может быть с согласия сторон лишь увеличен по сравнению с «законным».

Любые правоотношения — это специфические формы социально-правового взаимодействия, социальные отношения и, одновременно, юридические связи между людьми и их коллективами, опосредованные нормами и принципами права, благодаря которым и происходит реализация субъективных прав и обязанностей их участников. Как мы указали выше, семейные правоотношения — самостоятельная разновидность правовых отношений, хотя закон и допускает регулирование ряда возникающих в данной сфере вопросов с помощью норм и иных инструментов гражданского права.

В качестве одного из направлений структурирования алиментного правоотношения можно назвать его пространственную структуру. Именно в пространственной структуре проявляется то очевидное обстоятельство, что даже исторически алиментные правоотношения можно классифицировать на различные виды. То есть, пространственная структура — это и есть деление на виды (разновидности, типы) самих алиментных правоотношений.

Такого рода деление вызвано объективной необходимостью и полностью основано на семейном законодательстве.

С точки зрения формальной логики, вид и род представляют собой категории, выражающие отношения между различными классами. В этом смысле классификация (лат. *clasis* — разряд и *facere* — делать) — некоторый специфический способ применения логической операции деления объема понятия [7, с.168]. То есть, в логике классификация традиционно понимается как распределение предметов по группам на основании какого-либо общего признака, произведенное таким образом, что каждая группа занимает по отношению к другим выделенным группам строго определенное место [3, с.53]. Соответственно, сама по себе классификация — это научная группировка данных по принципу подобия или различия.

В юридической науке сегодня используются различные виды классификаций. Например, могут быть естественные (по сущностному признаку) и искусственные (по произвольно взятому признаку) классификации [8, с.11]. Могут быть так называемые «распространительные классификации»: в этом случае исходный класс объектов последовательно подразделяется на виды и подвиды по различным основаниям [2, с.21]. Допустимы

дихотомические классификации — на две группы в зависимости от наличия или отсутствия конкретного признака.

Мы полагаем, что такого рода классификации с определенными допущениями применимы и в отношении алиментных правоотношений.

Сама по себе классификация алиментных правоотношений на виды имеет огромное значение как для систематизации юридических знаний об алиментных правоотношениях, так и для детализированного научного анализа этого правового явления.

Очевидно, что не всякие классификации алиментных правоотношений могут быть познавательны и интересны в теоретическом и (или) практическом смысле. При этом, очень многое в части полноты классификации, ее правильности зависит от выбора критерия (основания) деления алиментных правоотношений на виды.

Мы полагаем, что в качестве основного критерия для классификации алиментных правоотношений является их субъектный состав, то есть классификация разновидностей алиментных правоотношений возможна в зависимости от субъектного состава алиментного правоотношения, то есть субъектов и участников данного процесса.

В то же время, следует понимать, что не любое «субъектное» деление теоретически и практически ценно и значимо: вряд ли, например, какой-либо практический (с точки зрения права, а не, например, психологии) интерес представляет деление алиментных правоотношений в зависимости от гендерного признака (отец или мать — обязанное лицо по уплате алиментов, внук или внучка и т. п.). Виды алиментных правоотношений определяют также территориальный, временной и иные подобные факторы, однако эти основания (критерии) деления достаточно искусственны и имеют, скорее, узко-научный интерес [6, с.162].

Прежде всего, можно выделить, в зависимости от конкретного плательщика алиментов, алиментные правоотношения в виде обязанных к уплате родителей, детей, бывших супругов, других членов семьи).

Однако и в зависимости от объекта алиментных правоотношений, можно выделить алиментные правоотношения по содержанию родителями ребенка, по содержанию бывшими супругами бывших нетрудоспособных супругов, по содержанию детей родителями, по содержанию внуками (внучками) бабушек (дедушек) и наоборот, по взаимному содержанию братьев и сестер и т. п.

Приведенное выше деление весьма и весьма условно и подлежит дальнейшей разработке, поскольку имеет серьезный теоретический смысл и может оказаться практически полезным.

Мы предлагаем несколько формализовать этот вопрос и выделить алиментные правоотношения по единому, субъектно-объектному критерию, основываясь исключительно на положениях Семейного Кодекса Российской Федерации.

Исходя из этого, алиментные правоотношения могут быть, во-первых, поделены на три большие группы: алиментные правоотношения родителей и детей (глава 13 СК РФ), алиментные правоотношения супругов и бывших

супругов (глава 14 СК РФ), алиментные правоотношения других членов семьи (глава 15 СК РФ). Это — первый уровень деления. Учитывая, что для данных групп характерны собственные правовые причины возложения обязанности по уплате алиментов, особые субъектные составы, цели и направленность самого установления алиментов, порядок определения их размера и проч., мы можем говорить о трех самостоятельных типах алиментных правоотношений.

Во-вторых, каждый тип алиментных правоотношений может быть разделен, в свою очередь, на отдельные группы. И это — второй уровень деления.

Рассмотрим первый тип: «родители-дети».

В частности, алиментные правоотношения родителей и детей можно подразделить на алиментные правоотношения, где получателем алиментов являются дети, а плательщиками алиментов — родители (ст.ст. 80–86 СК РФ), и алиментные правоотношения, где получателем алиментов являются родители, а плательщиками алиментов — совершеннолетние дети (ст.ст. 87–88 СК РФ).

В первой группе указанных выше алиментных правоотношений (где получателем алиментов являются дети, а плательщиками алиментов — родители), возможно разделение по третьему уровню классификации, а именно, можно выделить алименты на несовершеннолетних детей (ст.ст. 80–84 СК РФ) и алименты на нетрудоспособных совершеннолетних детей (ст. 85 СК РФ).

Рассмотрим второй тип: «супруги и бывшие супруги».

Здесь мы можем выделить две группы алиментных правоотношений: алиментные правоотношения между супругами (ст.ст. 89, 91, 92 СК РФ) и бывшими супругами (ст.ст. 90–92 СК РФ).

Наконец, перейдем к третьему типу алиментных правоотношений: «другие члены семьи».

Здесь первоначально мы выделяем четыре группы алиментных правоотношений: между братьями и сестрами (ст. 93 СК РФ), между дедушками/бабушками и внуками (ст.ст. 94–95 СК РФ), между воспитанниками

и воспитателями (ст. 96 СК РФ), между пасынками и падчерицами в отношении отчима и мачехи (ст. 97 СК РФ).

В первых двух группах мы также можем выделить третий уровень алиментных правоотношений.

Так, среди алиментных правоотношений между братьями и сестрами могут иметь место а) алиментные правоотношения между совершеннолетними братьями и сестрами по содержанию своих несовершеннолетних братьев и сестер и б) алиментные правоотношения между совершеннолетними братьями и сестрами по содержанию своих нетрудоспособных совершеннолетних братьев и сестер.

В свою очередь, среди алиментных правоотношений между дедушками/бабушками и внуками мы можем выделить: а) алиментные правоотношения по содержанию бабушками и дедушками своих внуков (ст. 94 СК РФ) и б) алиментные правоотношения по содержанию внуками своих бабушек и дедушек (ст. 95 СК РФ).

В результате проведенного исследования в указанной части мы выделили три уровня алиментных правоотношений, первый из которых по ряду характеристик можно считать типом алиментных правоотношений, а разновидности каждого типа — его видами. С учетом указанного Семейный кодекс Российской Федерации предусматривает 11 разновидностей алиментных правоотношений.

Данный перечень алиментных правоотношений является закрытым и не может быть дополнен или сокращен научной доктриной или судебным толкованием без внесения изменений в семейное законодательство.

Таким образом, мы полагаем, что в теории и практике алиментных правоотношений как сложного системного образования их классификации по видам принадлежит важное место. Она позволяет определить место каждого вида алиментных правоотношений в семейном праве, уяснить сущность той или иной разновидности алиментных правоотношений, ее специфику и роль в системе семейного права и достигнуть иных положительных результатов.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (принят ГД ФС РФ 08.12.1995) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 1. Ст. 16. Изменения, внесенные Федеральным законом от 02.12.2019 N 411-ФЗ, вступили в силу по истечении 10 дней после дня официального опубликования (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 02.12.2019).
2. Баранов В. М., Чуманов Е. В. Классификация в российском законодательстве. — Н. Новгород, 2005. — 202 с.
3. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика — М., 1987. — 344 с.
4. Низамиева О. Н., Сафина Т. А. Семейное право: Учебник. СПб., 2007. — 456 с.
5. Пчелинцева Л. М. Семейное право России. М., 2007. — 632 с.
6. Семейное право: учебник / П. Б. Айтов, А. М. Белялова, Е. В. Богданов и др. М., 2018. — 622 с.
7. Челканов Г. И. Учебник логики. — М., 1994. — 388 с.
8. Чуманов Е. В. Классификация в российском законодательстве. Автореф. дисс. канд. юр. наук. Н. Новгород, 2005. — 22 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Актуальные вопросы предоставления отсрочки отбывания наказания женщинам, имеющим ребенка в возрасте до четырнадцати лет. Уголовно-правовой и уголовно-исполнительный анализ

Андрейко Алена Сергеевна, студент
Иркутский государственный университет

В статье рассматриваются актуальные вопросы уголовной и уголовно-исполнительной сферы предоставления отсрочки исполнения наказания, предоставляемой женщинам, имеющим ребенка в возрасте до четырнадцати лет.

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания, женщина, ребенок, исправительное учреждение, суд, удовлетворение ходатайства.

Интерес к наказаниям женщин вполне объясним с учетом особого места женщин в системе общественных отношений, важности социальных ролей и функций, которые они выполняют в жизни общества и крайне неблагоприятных последствий криминальных форм их поведения.

В силу различных факторов женщина призвана выполнять особенные функции и роли, которые делают ее уязвимой в плане социальной оценки, общественного мнения, остроты реагирования государства на аномальное поведение. Назначение женщины — стать матерью и воспитательницей своих детей, быть скрепляющей силой главной ячейки общества — семьи. Поскольку женщин отличает особое положение в системе функциональных отношений в обществе, отклонения в поведении наиболее ярко проявляются в тяжких последствиях, относящихся непосредственно к их личности, семьям, физическому и нравственному становлению подрастающего поколения, общества в целом.

Женская преступность представляет собой часть общей преступности, совокупность преступлений, совершаемых женщинами.

В последнее время проявляется тенденция снижения женской преступности. По статистическим данным предоставленным сайтом МВД России в абсолютных показателях в январе-октябре 2015 г. количество женщин, совершивших преступление, составляет 145698 человек, в то время как по данным за январь-октябрь 2019 года данное число равняется 120742 человек.

Наказание женщин имеет свои особенности, исключения из общих правил, содержащихся в нормах уголовного и уголовно-исполнительного права. Возникает актуальность рассмотреть вопрос предоставления отсрочки отбывания наказания женщинам, имеющим ребенка

в возрасте до четырнадцати лет, рассмотреть проблемы, которые могут возникнуть в процедуре предоставления данной отсрочки.

Законодатель легально закрепил в статье 82 Уголовного Кодекса Российской Федерации [2] (далее УК РФ) возможность предоставления отсрочки отбывания наказания женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет. В той же статье указываются условия, при которых суд может отменить отсрочку отбывания наказания таковыми являются отказ от ребенка, уклонение от обязанности по воспитанию.

Вызывает огромный вопрос положение о том, что по достижении ребенком четырнадцатилетнего возраста суд освобождает осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо заменяет оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания.

На мой взгляд, данное положение не отвечает целям наказаний. При данных условиях невозможно говорить о восстановлении социальной справедливости. В то время как женщины, не имеющие детей или имеющие детей в возрасте от четырнадцати лет обязаны содержаться в исправительных учреждениях, соблюдать правила внутреннего распорядка, претерпевать лишения личного и имущественного характера, женщины, которым предоставляется отсрочка не изолируются от общества, не претерпевают лишения личного, имущественного характера и в конечном итоге не достигается такая цель наказания как предупреждение совершения преступлений, потому что для большинства из данной категории женщин не приходит осознание того, что необходимо нести наказание за совершенные ими преступления. Повышается процент рецидивных и повторных преступлений. Женщины не осознают общественную опасность совершенных ими

преступлений, кокой вред общественным отношениям они причинили, в результате чего совершают повторно преступления, за которые суд выносит уже реальные сроки отбывания наказания в колониях общего режима, колониях-поселение, указывая при этом, что за преступление, по которому была применена отсрочка исполнения наказания до достижения ребенком возраста четырнадцати лет исполняется самостоятельно. В данных случаях возникают такие ситуации, при которых женщины отбыв наказание за преступление, совершенное во время предоставления отсрочки отбывания наказания, обязаны отбыть также наказание за первое совершенное ими преступление. Проводится судебное заседание, на котором суд решает, какой вид наказания необходимо будет отбыть, либо освобождает от отбывания наказания.

С другой стороны, очевидно, трудно говорить о достижении целей наказания в ситуации, когда женщина имеет на руках ребенка, нуждающегося в постоянной заботе матери. Да и сами места отбывания наказания мало приспособлены для содержания женщин, имеющих малолетних детей. Возможна и ситуация, когда ребенок находится за пределами места отбывания наказания его матерью, но тогда на первый план выступают соображения гуманности и интересы нормального развития ребенка, которые трудно обеспечить без участия матери. К тому же и сама осужденная — мать, находящаяся рядом со своим ребенком, и заботясь о нем, — может быстрее добиться своего исправления, чем это произойдет, например, в исправительной колонии. [4, с. 479].

Следует заметить, что рассматриваемая отсрочка отбывания наказания предоставляется не всем женщинам. Предоставление отсрочки отбывания наказания не обязанность, а право суда.

Суд не предоставляет отсрочку осужденным на срок свыше 5 лет лишения свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности.

Также суд не предоставляет отсрочку в тех случаях, когда у ребенка имеется опекун, который осуществляет надлежащий уход и занимается его воспитанием, если женщина лишена родительских прав, отсутствие места жительства, официальной работы и другие обстоятельства которые суд посчитает достаточными для удовлетворения ходатайства.

Необходимо отметить, что отсрочка отбывания наказания может быть предоставлена женщине в период

отбывания наказания в местах лишения свободы. Для этого необходимо чтобы адвокат, законный представитель обратиться в суд с ходатайством об отсрочке отбывания наказания, а администрация исправительного учреждения — с соответствующим представлением. Ходатайство об отсрочке отбывания наказания осужденная подает через администрацию исправительного учреждения, исполняющего наказание [1].

Администрация исправительного учреждения запрашивает в соответствующих органах государственной власти, органах местного самоуправления и у родственников осужденного справки о наличии у осужденного жилья и необходимых условий для проживания с ребенком, справку о наличии ребенка у осужденного. После получения данных сведений администрация исправительного учреждения направляет в суд ходатайство (представление) об отсрочке отбывания наказания, указанные документы, характеристику и личное дело осужденного.

В случае удовлетворения ходатайства и соблюдения осужденным условий отсрочки отбывания наказания и его исправления уголовно-исполнительная инспекция вносит в суд представление о сокращении срока отсрочки отбывания наказания и об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости. При этом указанное представление не может быть внесено ранее истечения срока, равного сроку наказания, отбывание которого было отсрочено [3, с. 364].

Существуют ситуации, в которых суд может отказать в удовлетворении ходатайства осужденной по совокупности таких оснований как отсутствие места жительства и надлежащих условий проживания, места работы, которые будут предоставлены в случае удовлетворения ходатайства, отрицательная характеристика соседей по месту жительства, наличие взысканий и отсутствие поощрений, наличие у ребенка опекуна, который осуществляет надлежащий уход и занимается его воспитанием, отсутствие стремления осужденного заниматься воспитанием ребенка.

Точный перечень обстоятельств в законе не определен и поэтому судом при отказе в удовлетворении ходатайства могут быть и другие имеющие существенное значение обстоятельства.

Литература:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ, 13.01.1997, N 2, ст. 198.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.
3. Козаченко И. Я., Деткова А. П. Уголовно-исполнительное право: учебник для СПО. — М.: Издательство Юрайт, 2019.
4. Ревина В. П. Уголовное право России. Общая часть: учебник. — М.: Юстицинформ. 2016.

Установление возраста как обстоятельства, подлежащего доказыванию по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

Баженова Анна Сергеевна, студент магистратуры

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

Важность установления точного возраста несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, специально выделена в УПК РФ, где говорится не об «особом внимании», которое необходимо обратить на установление возраста подростка, а об обязательном его установлении, что будет способствовать всестороннему применению уголовно-процессуального закона.

Число, месяц и год рождения входят в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию. При определении возраста наступления уголовной ответственности несовершеннолетних, уголовное законодательство основывается на двух возрастных пределах:

- По достижении шестнадцатилетнего возраста возникает обязанность лица нести ответственность за большинство уголовно — наказуемых действий;
- С четырнадцатилетнего возраста субъекты подлежат уголовной ответственности за строго определенный круг нарушений уголовно — правового запрета, предусмотренных ч. 2 ст. 20 УК РФ.

По достижении четырнадцати или шестнадцати лет человек обретает соответствующую степень психологической зрелости, наличие которой необходимо для возложения на него уголовной ответственности. Тем самым, включив в отечественное законодательство возрастной предел, законодатель провел четкую грань между несовершеннолетием и взрослостью, создав обособленную группу участников процесса, наделенную дополнительными гарантиями соблюдения их прав и интересов.

Установление точного возраста несовершеннолетнего имеет особое значение. От него зависит не только порядок расследования уголовного дела и применение каких-либо дополнительных процессуальных гарантий, но и установление наличия в деянии конкретного лица состава преступления. Уголовное преследование в отношении лица, которое к моменту совершения преступления не достигло установленного законом возраста уголовной ответственности, подлежит прекращению по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т. е., за отсутствием в деянии состава преступления (ч. 3 ст. 27 УПК РФ). Следовательно, точный возраст несовершеннолетнего целесообразнее устанавливать при проведении предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении с тем, чтобы не допустить необоснованного возбуждения уголовного дела.

В силу особенностей расследования и рассмотрения уголовных дел названной категории, законодатель обращает внимание на точное установление возраста несовершеннолетнего. Пленум Верховного Суда указывает: «Лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день,

т. е. с нуля часов следующих суток». Не имеет значения, что к моменту производства расследования субъекту исполнилось 18 лет — производство должно осуществляться по правилам, относящимся к несовершеннолетним.

По мнению Гавриленко А. А. и Горбачева Е. В. определение возраста уголовной ответственности несовершеннолетних преследует следующие цели:

- Установить возрастные пределы между несовершеннолетними и взрослыми;
- Выявить возрастную группу людей, которые находятся на раннем этапе развития человеческой личности и нуждаются в особой правовой защите;
- Определить границы уголовной ответственности;
- Распределить несовершеннолетних в зависимости от возрастного критерия на три группы: до 14 лет, от 14 до 16 лет, старше 16 лет [1, С.89].

Возраст несовершеннолетнего лица должен быть установлен документально. К материалам уголовного дела необходимо приобщать копию свидетельства о рождении, а в случае утраты свидетельства, необходимо выяснить, где производилась регистрация рождения ребенка, и истребовать из соответствующего отдела ЗАГС выписку из книги записи актов гражданского состояния. Если возраст несовершеннолетнего установить документально не представляется возможным, необходимо проводить судебно-медицинскую экспертизу, что прямо предусмотрено п. 5 ст. 196 УПК РФ.

Судебно-медицинская экспертиза по установлению возраста проводится только по постановлению судебных или следственных органов. На разрешение судебно-медицинских экспертов ставятся следующие вопросы:

- Каков в настоящее время возраст предоставленного для обследования подозреваемого (обвиняемого);
- Достиг ли обследуемый подозреваемый (обвиняемый) к моменту совершения преступления четырнадцатилетнего, шестнадцатилетнего или восемнадцатилетнего возраста (с указанием числа, месяца, года).

При установлении судебно-медицинской экспертизой возраста несовершеннолетнего, днем его рождения будет считаться последний день того года, который указан экспертами, а при определении минимальных и максимальных возрастных границ судам следует исходить из предполагаемого экспертами минимального возраста такого лица.

Закон устанавливает лишь одно понятие возраста — хронологический (календарный, паспортный) возраст, т. е. число прожитых лет с момента рождения человека. Возраст — это четко определенный уровень биологического развития с момента рождения человека, исчисляемый количеством полных лет. Российский

законодатель, устанавливая возраст уголовной ответственности, руководствовался внедрением психологического критерия. Названный критерий определяет связь хронологического возраста с уровнем интеллектуального развития личности, а именно, со способностью осознавать фактический характер и социальную значимость своих действий (бездействия).

Как справедливо отметил Л. С. Выготский, «проблема возраста не только центральная для всей детской психологии, но и ключ ко всем вопросам практики. В определении возраста несовершеннолетнего необходимо, прежде всего, основываться на реальном уровне его развития, что позволит оценить ход его умственного развития» [2, С.260]. Следует отметить, что в теории уголовного права определение психологического возраста применимо лишь к несовершеннолетнему, так как, он отражает уровень психической зрелости, достигнутый лицом к определенным УК РФ возрастным границам.

Для более глубокого анализа уровня развития несовершеннолетнего нельзя ограничиваться лишь знанием хронологического возраста несовершеннолетнего. Поскольку, возможны случаи, когда несовершеннолетний достиг возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим заболеванием, во время совершения общественно-опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. В данном случае, уровень социальной зрелости подростка значительно расходится с хронологическим возрастом.

Психологическим возрастом признается качественный показатель развития личности, охватывающий хронологический период в несколько лет, что неравноценно календарному возрасту и значительно шире его пределов. Переход одного периода к другому подразумевает смену этапов умственного развития подростка. Формирование психических свойств на одном этапе развития у разных подростков происходит не в одни и те же сроки и не могут совпадать. Сами границы психического развития между этапами не могут быть определены с абсолютной точностью. Например, для подростка четырнадцатилетнего возраста уровень формирования психических процессов находится в границах от тринадцати до пятнадцати лет, что охватывается пределом одного психологического возраста. Следовательно, для подростка четырнадцатилетнего возраста (минимальный возрастной предел наступления уголовной ответственности) формирование психологических процессов на уровне тринадцатилетнего или пятнадцатилетнего возрастного развития будет достигать нормы, так как они охвачены предельными границами одного психологического возраста. Если возрастные процессы выходят за рамки соответствующего психологического возраста, то здесь имеет место вопрос о невменяемости лица.

В силу сказанного, целесообразнее усовершенствовать положение о минимальном возрасте привлечения к уголовной ответственности, основываясь в большей мере на особенностях интеллектуального и волевого развития, определенных возрастной психологией. Поскольку, способность и возможность лица к саморегулированию поведенческих установок лежит в основе формирования его зрелости и уровня психического развития. Как отмечает В. Г. Каминского: «Социальная зрелость складывается из достаточного уровня психофизиологического развития и приобретенного социального опыта за прожитые годы, что позволяет предъявлять несовершеннолетнему требование соотносить свое поведение общепризнанным моральным нормам, установленным обществом» [3, 240].

Эти особенности побуждают обратиться к категории «фактического» или биологического возраста. Термин «фактический возраст» более четко отражает уровень развития лица, отражая всю суть данного явления. Фактический возраст определяется не по количеству прожитых лет с момента рождения, а по степени развития психофизиологических особенностей несовершеннолетнего.

Фактический возраст устанавливается при помощи психолога — педагогической экспертизы, выявляющей способность подростка адекватно реагировать на различные ситуации и обстоятельства, осознавать характер своих действий и самостоятельно принимать различного рода решения. Отдельные специалисты считают, что категория фактического возраста работает неустойчиво, так как, психологами не выработан четкий возрастной стандарт, основанный на психологических характеристиках, свойственных определенному психологическому возрастному периоду [4, С.74]. Также, названная категория не нашла закрепления в действующем УК РФ.

Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит даже намека на разграничение единого понятия «возраст наступления уголовной ответственности» на соответствующие категории (возраст календарный, паспортный, психологический, фактический). Ю. Е. Пудовочкин предлагает «узаконить» фактический возраст ч. 3 ст. 20 УК РФ следующим образом: «Не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетний, достигший возраста уголовной ответственности, установленного ст. 20 УК РФ, который в силу отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, этому возрасту не соответствует» [5, С.293].

Норма ч. 2 ст. 20 УК РФ является новеллой для отечественного законодательства и поэтому требует более глубокого анализа. При установлении возраста уголовной ответственности для законодателя принципиально важен момент осознания подростком фактического характера своих действий (бездействия) и возможности руководить ими. Представляется целесообразным законодательно закрепить соответствующие редакционные изменения.

Литература:

1. Гавриленко А. А., Горбачёва Е. В. Значение установления отдельных данных, характеризующих личность несовершеннолетнего обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. — Иркутск, 2012. — № 4. — 89с.
2. Выготский Л. С. Детская психология. Собрание сочинений: Том 4 // Л. С. Выготский — М.: Книга по Требованию, 2013. — 260с.
3. Каминский В. Г. Значение несовершеннолетнего и молодежного возраста в российском законодательстве // Наука и современность. — 2010. — № 3—3. — 240с.
4. Пестерева Ю. С. Актуальные проблемы правовой и социальной защиты несовершеннолетних от преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность // Вестн. Ом. юрид. ин-та, 2009. — № 1. — 74с.
5. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву // Под ред. Чечель Г. И. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 293 с.

Отдельные проблемы уголовно-процессуального законодательства, регулирующего стадию проверки сообщения о преступлении

Гордеева Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье автор при помощи метода системного подхода и сравнительно-правового метода на основе действующего уголовно-процессуального законодательства, доктринальных положений ученых процессуалистов, исследовавших вопросы законодательных проблем, возникающих при проведении проверочных мероприятий в стадии возбуждения уголовного дела, выявляет недостатки в правовом регулировании этого института и предлагает практические рекомендации по их решению.

Ключевые слова: проверочные мероприятия, возбуждение уголовного дела, следственные действия, объяснения, адвокат, защитник, представитель.

Some problems of the criminal procedure legislation regulating the stage of verification of a crime report

In the article the author, using the method of systematic approach and comparative legal method on the basis of the current criminal procedure legislation, doctrinal provisions of the scientists of the processualists, who studied the issues of legislative problems arising during the verification activities at the stage of initiation of criminal proceedings, reveals shortcomings in the legal regulation of this institution and offers practical recommendations for their solution

Keywords: checks, criminal proceedings, investigations, explanations, lawyer, counsel, representative.

Несмотря на последние изменения, внесенные в ст. 144 УПК РФ [1], касающиеся получения объяснений при производстве проверки сообщений о преступных посягательствах, в законе так и не закреплена процедура их производства, и вместе с тем, закон обязывает субъектов, проводящих проверку, разъяснять перечень прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Имеющая место в настоящее время неурегулированность уголовно-процессуальными предписаниями УПК РФ формы, при помощи которой должны быть зафиксированы полученные объяснения, несмотря на то, что в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ установлена возможность их применения как доказательств, если соблюдены требования

ст. 75 и 89 УПК РФ вызывает определенные сложности у правоприменительных субъектов [3, с. 13].

В этой связи, видится необходимым установить формальные требования к объяснительным, а также перечень источников доказательств, содержащийся в ч. 2 ст. 74 УПК РФ дополнить самостоятельным источником доказательств — «объяснениями».

По мнению А. С. Александрова и М. В. Лапатникова происходит размывание границ процессуальной и не процессуальной деятельности [2, с. 24].

В этой связи отдельные ученые [5, с. 39] считают, что в случаях отбора объяснений необходимо применять положения, регламентирующие процедуру производства такого следственного действия, как допрос,

исключая, естественно положения, касающиеся предупреждения субъекта, дающего объяснения по ст. 307, 308 УК РФ. На схожесть отбора объяснительных с допросом указывает установление за опрашиваемым права не давать показания против самого себя, своего супруга и других близких родственников, круг которых определен законом, а также права пользоваться услугами адвоката (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Некорректность ряда нормативных предписаний касательно проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела, исключает их единообразную трактовку. Так, к примеру, нормативное правило ч. 1 ст. 144 УПК РФ, которое управомочивает субъекта, проводящего проверочные мероприятия сообщения о преступлении, на осуществление такого процессуального действия, коим является изъятие образцов, предметов и документов по правилам, регламентированным УПК РФ, в процессе расширительного толкования позволяет прийти к ошибочному выводу, что в перечень следственных действий, в рамках которых возможно изъятие образцов, веществ и предметов, допустимых до возбуждения уголовного дела, допустимо включение таких следственных действий, как выемка и обыск, что противоречит специальным нормам ст. 182, 183, 184 УПК РФ, из которых следует, что данные следственные действия возможны исключительно после того, как уголовное дело возбуждено [4, с. 47].

Вместе с тем осмотр предметов и документов можно рассматривать как важнейший источник доказательств и в основном его проведение осуществляется в рамках того следственного действия, в процессе которого они подлежат изъятию.

С учетом обязанности субъекта, изымающего предмет или документ, описания их индивидуальных особенностей в протоколе следственного действия, в рамках которого они изымаются, вполне объяснимо возникает потребность такого изъятия до возбуждения уголовного дела.

Практика их применения не противоречит ч. 2 ст. 176 УПК РФ, которая являющейся специальной относительно ч. 1 ст. 144 УПК РФ и прямо указывающей как на возможность производства данных следственных действий до возбуждения уголовного дела, так и на возможность изъятия при их производстве следов, веществ и предметов.

Еще одним из следственных действий, производство которого возможно до возбуждения уголовного дела, является судебная экспертиза.

Вместе с тем, отмечая важность и соглашаясь с необходимостью возможности проведения судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела в рамках проверочных мероприятий, можно отметить ряд проблемных моментов в реализации норм данного института. В первую очередь это неопределенность процессуального статуса субъектов, интересы которых могут быть затронуты при производстве судебных экспертных исследований на рассматриваемой стадии: представляется крайне затруднительным заявление ходатайства относительно выбора экспертного учреждения, а также

ходатайства на отвод эксперта, равно как и возможность присутствия при производстве экспертных исследований. Затруднительным представляется реализовать и иные права, зафиксированные в ст. 198 УПК РФ. Нет ясности касательно возможности правоприменительного субъекта поместить лицо, в отношении которого проводятся экспертные исследования, в медицинский или психиатрический стационар, поскольку это возможно исключительно по судебному решению и после того, как уголовное дело уже возбуждено [6, с. 40].

По нашему мнению, несмотря на то, что ч. 1 ст. 144 УПК РФ, не исключает возможности производства подобных экспертиз до того, как возбуждено уголовное дело, их проведение недопустимо, что следует из особенностей цели предварительной проверки сообщений о преступлениях, недостаточной информации о личности, нечеткости правового положения подэкспертного, временных рамок данной стадии и др.

Нелогичным, по нашему мнению, выглядит и нормативное предписание, закрепляющее обязательность проведения экспертных исследований повторно или дополнительно, если заявлено соответствующее ходатайство после возбуждения уголовного дела (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ). Это нивелирует доказательственную силу и значение ранее проведенных экспертных исследований и в какой-то степени указывает на внутреннюю противоречивость этому же нормативному предписанию, в котором указано на возможность использования полученных сведений в качестве доказательств [2, с. 25].

Часть 1.1 ст. 144 УПК РФ в действующей редакции предоставляет лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, возможность воспользоваться услугами адвоката. Однако и в этой части имеются законодательные недочеты. Рассмотрим проблемы реализации полномочий защитника в стадии проверки сообщения о преступлениях.

Уголовно-процессуальное законодательство (ст. ст. 53, 86, 189 и др.) не только закрепляет полномочия адвоката, но содержит специфические полномочия, реализация которых необходима для защиты лица, находящегося в соответствующем уголовно-процессуальном статусе (подозреваемый) т. е. закрепляет полномочия защитника. В то же время права таких субъектов, как представитель потерпевшего, гражданский истец, частный обвинитель и гражданский ответчик являются производными от прав представляемых им лиц (ч. 3 ст. 45, ч. 2 ст. 55 УПК РФ).

Анализ этих норм применительно к проверочным мероприятиям в рамках возбуждения уголовного дела приводит к выводу, о невозможности использования адвокатом прав, которые предоставлены УПК РФ таким субъектам, как защитник или представитель в силу неопределенности статуса лиц, в отношении которых проводятся проверочные мероприятия. Получается, что в этой связи адвокат может использовать лишь перечень полномочий, предоставляемых ему ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре.

Анализируя смысловую нагрузку ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, можно прийти к выводу, что адвокат может вступить

в рассматриваемую проверочную стадию лишь по приглашению лица, принимающего участие в такой проверке, но никак не по назначению. На это также указывают нормативные предписания, которыми регламентирована процедура возмещения средств, затраченных на оказание юридической помощи адвокату по назначению. (пп. пп. 1 и 5 ч. 2 ст. 131 УПК РФ).

Полагаем, что устранить указанные недочеты может изменение ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. В нее необходимо добавить положение следующего содержания: «Лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения

о преступлении, разъясняется право воспользоваться услугами защитника. В предусмотренных настоящим Кодексом случаях защитник назначается лицом, проводящим проверку сообщения о преступлении». В связи с этим потребуются и корректировка ч. 2 ст. 50 УПК РФ. Ее следует изложить следующим образом: «По просьбе лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается лицом, проводящим проверку сообщения о преступлении, дознавателем, следователем или судом».

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
2. Александров А. С., Лапатников М. В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика. Вестник нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 22. — С. 23–28.
3. Васильев О. В. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // Закон. — 2013. — № 8. — С. 4–13.
4. Гончар В. В., Мешков М. В. Новые нормы института возбуждения уголовного дела // Законность. — 2012. — № 3. — С. 45–48.
5. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования // Lex russica. — 2015. — № 7. — С. 37–42.
6. Шишков С. Возможно ли производство судебно-психиатрической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. — 2013. — № 10. — С. 37–42.

Место следователя среди субъектов доказывания в уголовном процессе

Ромашко Александр Николаевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается деятельность следователя как основного субъекта доказывания на стадии предварительного расследования. Объясняется, что именно работа следователя с доказательствами на предварительном следствии является ответственной, так как ошибки доказывания могут привести к судебным ошибкам.

Ключевые слова: УПК, следователь, расследование, доказывание, субъект.

Place of the investigator among the subjects of evidence in criminal proceedings

The article deals with the activities of the investigator as the main subject of evidence at the stage of preliminary investigation is the investigator. It is explained that the work of the investigator with the evidence at the preliminary investigation is responsible, since errors of proof can lead to judicial errors.

Keywords: criminal procedure code, investigator, investigation, proof, subject.

Время доказывания лежит именно на правоприменителе. Данный субъект должен полно, всесторонне и объективно, исследовать сведения, имеющие значение для дела путем сбора, проверки и оценки доказательств. Выявлять все обстоятельства совершенного преступления, в том числе смягчающие и отягчающие

вину обвиняемого. Собираание доказательств возможно при помощи производства следственных, а также других процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ [1].

Проверка доказательств должна проводиться следователем с помощью сопоставления их с другими доказательствами по делу, установлением источника получения

доказательств, а также получения других доказательств, которые подтверждают или опровергают проверяемое доказательство. Каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости; допустимости; достоверности.

Все доказательства по делу так или иначе оцениваются с точки зрения достаточности для вынесения решения по существу. Оценка доказательств производится следователем по своему внутреннему убеждению, которое должно основываться на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех доказательств в совокупности. Одновременно должен быть сделан вывод о допустимости, относимости и достоверности каждого доказательства, а также значения каждого доказательства для их системы с позиции достаточности [2, с. 45].

Результатом оценки доказательства является мотивированный вывод, закрепленный в процессуальном документе (обвинительное заключение, постановление о прекращении дела, приговор, решение, определение) об установлении предмета доказывания. Следователь может признать доказательство по делу недопустимым, если оно не соответствует формальным и содержательным требованиям, которые предъявляются к доказательствам уголовно-процессуальным кодексом.

Так, например, в качестве доказательств не могут использоваться материалы оперативно-розыскной деятельности, если они получены и оформлены без соблюдения требований УПК РФ.

Результаты ОРД могут быть представлены следователю в качестве доказательств, однако при этом, во-первых, требуется соблюдение специальной процедуры предоставления, во-вторых, большинство материалов ОРД (например, допрос) должны быть оформлены по строгим правилам УПК РФ, например, в виде протокола допроса.

В исключительном случае проведения дознания в сокращенной форме в качестве доказательств могут применяться так называемые материалы проверки. К ним относятся объяснения лиц и заключения специалиста. Проведение строго формализованных следственных действий не требуется. Использование такой формы расследования возможно только при полном согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

На соответствующих стадиях уголовного процесса субъектами доказывания являются только следователь, дознаватель и суд. Именно им принадлежит вся полнота полномочий по собиранию, закреплению, проверке и оценке фактических данных, необходимых для установления истины по делу, и решению задач уголовного судопроизводства, что и составляет содержание доказывания, протекающего в рамках расследования конкретного уголовного дела.

В этих целях следователь наделяется комплексом необходимых прав и обязанностей, реализуемых в рамках уголовно процессуальных отношений, возникших между ним и иными участниками уголовного процесса.

В законе установлены положения о самостоятельном направлении следователем хода расследования, принятии решений о проведении конкретного процессуального

действия, если не нужно получить судебное решение либо согласие начальника следственного органа.

Процессуальная самостоятельность следователя при этом не колеблется. Процессуальная самостоятельность следователя прямо зависит от предоставленных ему законом РФ полномочий, которые осуществляются в рамках исполнения порученных ему обязанностей.

В своей деятельности следователь должен реализовывать собственные полномочия основываясь не только на нормы закона, но и на такие моральные категории, как нравственность, справедливость, совесть.

Любое действие следователя, должно базироваться и на личных убеждениях и выражать его личную позицию по определенному уголовному делу, при этом, не выходя за границы законодательства Российской Федерации.

Все эти положения действуют в рамках отмен постановлений о возбуждении уголовного дела; возвращения уголовных дел для дополнительного расследования; если изменяется объем или квалификация действий обвиняемых, составления заново обвинительного заключения.

Свои возражения следователь в письменном виде предоставляет руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора. В случае расследования уголовного дела следственной группой, ответственность за расследование в целом несет следователь, который принял дело к своему производству. То есть он является субъектом доказывания. Именно он составляет от своего имени обвинительное заключение. Другие следователи, включенные в группу, обладают всеми правами, предусмотренными уголовно-процессуальным кодексом при выполнении заданий руководителя следственной группы по расследуемому делу.

Особую проблему составляет взаимодействие следователя с другими субъектами доказывания по уголовному делу, в частности с экспертами.

В литературе высказывается мнение, что эксперту должно быть предоставлено право собирать доказательства в специально оговоренных случаях, например, при исследовании предметов — возможных носителей микрообъектов и при производстве некоторых видов экспертиз, в частности, судебно-медицинского исследования трупа и живых лиц.

Любое исключение из правила о том, что субъектами собирания доказательств является лица, на которых лежит ответственность за уголовное дело и обязанность полно, всесторонне, объективно исследовать обстоятельства дела, может привести к необоснованным злоупотреблениям, размыванию правил допустимости доказательств, нарушению принципа законности в уголовном судопроизводстве.

На практике следователь, назначая экспертизу следов наложения, ставит перед экспертом вопрос о наличии на объектах, представленных на исследование, микроналожений, микрообъектов. Отвечая на этот вопрос, эксперт фиксирует присутствие микрообъектов в своем заключении. Микрообъекты фактически получают значение вещественных доказательств и подвергаются дальнейшему экспертному исследованию. Ситуация складывается таким образом, что эксперт сам собирает объекты

экспертных исследований (доказательства) и сам их исследует [4, с. 111].

Можно предложить два варианта решения данной проблемы. Первое, осмотр микрообъектов должен производиться следователем по месту их обнаружения и их индивидуализирующие признаки должны фиксироваться в протоколе этого следственного действия, затем микрообъекты должны приобщаться к делу в качестве вещественных доказательств и направляться на экспертизу.

Второе, когда имеется предположение о наличии микрообъектов, в исследовании должны участвовать не менее двух экспертов.

Первый вариант получил практическую реализацию по причинам консерватизма практики, общего снижения уровня квалификации следователей, необходимости привлечения в этих случаях специалиста к производству следственного действия, необходимости использования инструментальной базы при производстве следственного действия. Второй вариант вызывает сомнения, поскольку реализация этого предложения делает эксперта субъектом собирания доказательств. Это не соответствует принятой в уголовном процессе теории и практики доказывания по уголовным делам.

Решить проблему фиксации микрообъектов как вещественных доказательств может присутствие следователя при производстве экспертизы микрообъектов. Многие вопросы относительно правомочий субъектов назначения экспертизы в законе в должной мере не регламентированы. В частности, необходимо обязать следователя, дознавателя принимать участие в производстве экспертизы в тех случаях, когда в ходе самой экспертизы может быть обнаружена доказательственная информация, требующая процессуального закрепления. Необходимо отметить,

что в юридической литературе указывалось на необходимость присутствия следователя при вскрытии трупа.

Безусловно, личный контакт следователя с экспертом помогает уточнить на месте некоторые детали предмета экспертизы. Однако необходимо отметить, что следователь выходит за рамки своих полномочий, в ходе экспертизы, контролируя правильность действий эксперта [3, с. 104].

Он может при оценке заключения эксперта по тем или иным основаниям признать его необоснованным или неполным. Следователь не может вмешиваться в экспертное исследование в ходе его проведения, давать какие-либо указания эксперту о правильности или неправильности его исследования. Необходимости его присутствия в ходе производства экспертизы предопределяется возможностью обнаружения экспертом доказательственной информации. Это возможно, как отмечалось, в ходе вскрытия трупа для установления причин смерти, а также при исследовании микрообъектов. Наружный осмотр трупа на месте его обнаружения производит следователь с участием понятых и врача-специалиста в области судебной медицины, а при невозможности его участия иного врача. Участие следователя при вскрытии трупа является целесообразным.

Статус следователя как субъекта доказывания, является определенным и неоспоримым. Более того, собирание и систематизация доказательств по уголовному делу и есть главная задача следователя. Именно от качества собранных доказательств, их соответствующего оформления и будет зависеть ход судебного следствия и, в конечном итоге, судьба подсудимого. Поэтому исследование статуса следователя как субъекта доказывания, никогда не утратит своей актуальности.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СЗ РФ. 2001. № 52. ст. 4921.
2. Авилов А. В. Субъекты обязанности доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: АКАДЕМИЯ, 2018. 219 с.
3. Игнатов С. Д. Статус следователя как субъекта доказывания // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. № 2. С. 101–106.
4. Пивоварова А. О. Проблемы собирания доказательств субъектами доказывания в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2018. № 27. С. 110–113.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Президент и национальная исполнительная власть в современной ЮАР

Шаханин Владислав Александрович, преподаватель
Анапский сельскохозяйственный техникум

31 мая 1910 г., после переговоров, состоялось провозглашение Южно-Африканского Союза, что повлекло за собой слияние четырех территорий в Южной Африке — Оранжевого Свободного Государства, Трансвааля, Наталя и Капской колонии — в одну политическую единицу. Южно-Африканский Союз получил статус самоуправляющегося доминиона в составе Британской Империи. В силу этого положения, правительство Южно-Африканского Союза подчинялось главе Британской Империи, т. е. Королю Англии (в то время). Последнего представлял назначаемый им Генерал-губернатор, который также представлял правительство Британии в качестве Верховного комиссара. Вследствие этого власть Генерал-губернатора распространялась и на Басутоленд (ныне — Лесото), Бечуаналенд (Ботсвана) и Свазиленд [1].

31 мая 1961 г., после референдума, Южно-Африканский Союз был провозглашен Республикой. Под международным давлением страна вышла из числа членов Содружества Наций, которое пришло на смену Британской Империи. Должность Генерал-губернатора была упразднена. Появился пост Государственного Президента в качестве формального главы государства. Фактическое управление страной стал осуществлять Премьер-министр. Такое положение продлилось до 1984 г., когда должность Премьер-министра была упразднена [1].

Действующая Конституция 1996 г. сохранила пост Президента, соединяющего функции главы государства и исполнительной власти в Южно-Африканской Республике (ЮАР). Рассмотрим положения этой Конституции более подробно [2, pp. 46–52].

Президент. Он является главой государства и главой национальной исполнительной власти. Президент должен поддерживать, защищать и уважать Конституцию как высший закон Республики, а также способствовать единству нации и тому, что будет развивать Республику (раздел 83 Конституции).

Полномочия и функции Президента. Он имеет полномочия, возложенные на него Конституцией и законодательством, включая те, которые необходимы для выполнения функций главы государства и главы национальной

исполнительной власти. Президент несет ответственность за:

- (а) одобрение и подписание законопроектов;
- (b) возвращение законопроекта обратно в Национальное Собрание для пересмотра относительно конституционности законопроекта;
- (с) направление законопроекта в Конституционный Суд для решения о конституционности законопроекта;
- (d) созыв Национального Собрания, Национального Совета Провинций или Парламента на внеочередное заседание для разрешения специального дела;
- (е) производство любых назначений, которые Конституция или законодательство требует от Президента производить, кроме как в качестве главы национальной исполнительной власти;
- (f) назначение комиссий по расследованию;
- (g) созыв национального референдума согласно положениям акта Парламента;
- (h) принятие и признание иностранных дипломатических и консульских представителей;
- (i) назначение послов, полномочных представителей, и дипломатических и консульских представителей;
- (j) помилование или амнистию правонарушителей и уменьшение любых штрафов, наказаний или конфискации; и
- (k) присвоение наград (раздел 84 Конституции).

Исполнительная власть Республики. Исполнительная власть Республики принадлежит Президенту. Президент осуществляет исполнительную власть, вместе с другими членами Кабинета, посредством:

- (а) имплементации национального законодательства, исключая случаи, когда Конституция или акт Парламента предусматривает иное;
- (b) разработки и имплементации национальной политики;
- (с) координирования функций государственных департаментов и администраций;
- (d) подготовки и инициирования законодательства; и
- (е) выполнения любой другой исполнительной функции, предусмотренной для него в Конституции

или в национальном законодательстве (раздел 85 Конституции).

Избрание Президента. На первом заседании после избрания, и когда необходимо заполнить вакансию, Национальное Собрание избирает лицо из числа его членов в качестве Президента. Главный Судья председательствует на выборах Президента, или указывает другого судью. Выборы для заполнения вакансии должности Президента проводятся во время и на дату, определяемые Главным Судьей, но не более чем через 30 дней после открытия вакансии (раздел 86 Конституции).

Принятие должности Президентом. Лицо, избранное Президентом, прекращает быть членом Национального Собрания, и в течение пяти дней принимает должность посредством клятвы или подтверждения верности Республике и подчинения Конституции (раздел 87 Конституции).

Срок полномочий Президента. Срок полномочий Президента начинается после принятия должности и завершается после открытия вакансии или когда следующее лицо, избранное Президентом, принимает должность. Ни одно лицо не может занимать должность Президента более чем два срока, но когда лицо избирается для заполнения вакансии в должности Президента, период между этим избранием и следующими выборами Президента не рассматривается как срок (раздел 88 Конституции).

Отстранение Президента. Национальное Собрание, посредством резолюции, принятой голосами по крайней мере двух третей его членов, может отстранить Президента от должности только на основании:

- (а) серьезного нарушения Конституции или закона;
- (б) серьезного проступка; или
- (с) неспособности выполнять функции должности.

Любой, кто был отстранен от должности Президента согласно положениям пунктов (а) или (б), не может получать любые выгоды этой должности, и не может служить на любой публичной должности (раздел 89 Конституции).

Исполняющий обязанности Президента. Когда Президент отсутствует в Республике или иным образом неспособен выполнять обязанности Президента, или при вакансии должности Президента, следующие должностные лица, в указанном ниже порядке, действуют в качестве Президента:

- (а) Заместитель Президента;
- (б) министр, указываемый Президентом;
- (с) министр, указываемый другими членами Кабинета;
- (д) Спикер, пока Национальное Собрание не укажет одного из других его членов.

Исполняющий обязанности Президента имеет обязанности, полномочия и функции Президента. До принятия обязанностей, полномочий и функций Президента, Исполняющий обязанности Президента клянется или подтверждает верность Республике и подчинение Конституции (раздел 90 Конституции).

Кабинет. Кабинет состоит из Президента, как главы Кабинета, Заместителя Президента и министров. Президент назначает Заместителя Президента и министров, определяет их полномочия и функции, и может смещать их. Он:

- (а) может отбирать Заместителя Президента из числа членов Национального Собрания;
- (б) может отбирать любое число министров из числа членов Собрания; и
- (с) может отбирать не более чем двух министров не из Собрания.

Президент назначает члена Кабинета лидером правительственной деятельности в Национальном Собрании. Заместитель Президента помогает Президенту в выполнении функций правительства (раздел 91 Конституции).

Подотчетность и обязанности. Заместитель Президента и министры ответственны за полномочия и функции исполнительной власти, возложенные на них Президентом. Члены Кабинета коллективно и индивидуально подотчетны Парламенту при осуществлении их полномочий и выполнении их функций. Они должны:

- (а) действовать в соответствии с Конституцией; и
- (б) предоставлять Парламенту полные и регулярные отчеты относительно дел, находящихся под их контролем (раздел 92 Конституции).

Заместители министров. Президент может назначать:

- (а) любое число заместителей министров из числа членов Национального Собрания; и
- (б) не более чем двух заместителей министров не из Собрания, для помощи членам Кабинета, и может смещать их.

Заместители министров, назначенные согласно положениям пункта (б), подотчетны Парламенту при осуществлении их полномочий и выполнении их функций (раздел 93 Конституции).

Работа Кабинета после выборов. При проведении выборов Национального Собрания, Кабинет, заместитель Президента, министры и любые заместители министров остаются функционировать до тех пор, пока лицо, избранное Президентом следующим Собранием, не вступит в должность (раздел 94 Конституции).

Клятва или подтверждение. До начала выполнения заместителем Президента, министрами и любыми заместителями министров их функций, они клянутся или подтверждают верность Республике и подчинение Конституции (раздел 95 Конституции).

Поведение членов Кабинета и заместителей министров. Члены Кабинета и заместители министров действуют в соответствии с кодексом этики, предусмотренным национальным законодательством. Они не могут:

- (а) выполнять любую другую оплачиваемую работу;
- (б) действовать любым способом, который не совместим с их должностью, или подвергать себя любой ситуации, подразумевающей риск конфликта между официальными обязанностями и частными интересами; или
- (с) использовать их положение или любую информацию, доверенную им, для обогащения их или неправомерной выгоды любому другому лицу (раздел 96 Конституции).

Передача функций. Президент посредством объявления может передавать члену Кабинета:

- (а) администрирование любого законодательства, возложенного на другого члена; или

(b) любое полномочие или функцию, возложенную законодательством на другого члена (раздел 97 Конституции).

Временное поручение функций. Президент может поручать члену Кабинета любое полномочие или функцию другого члена, который отсутствует на своем посту или неспособен осуществлять это полномочие или выполнять эту функцию (раздел 98 Конституции).

Поручение функций. Член Кабинета может поручать любое полномочие или функцию, которая осуществляется или выполняется согласно положениям Акта о Парламенте, члену провинциального исполнительного совета или муниципальному совету. Поручение —

- (a) должно быть в соответствии с положениями соглашения между соответствующим членом Кабинета и членом исполнительного совета или муниципального совета;
- (b) должно быть в соответствии с Актом о Парламенте, согласно положениям которого соответствующее полномочие или функция осуществляются или выполняются; и
- (c) вступает в силу после объявления Президентом (раздел 99 Конституции).

Национальное вмешательство в провинциальную администрацию. Когда провинция не может или не выполняет исполнительное обязательство в соответствии с Конституцией или законодательством, национальная исполнительная власть может вмешиваться, предпринимая любые соответствующие шаги для обеспечения выполнения этого обязательства, включая:

- (a) издание директивы для провинциальной исполнительной власти, описывающей степень невыполнения своих обязательств и указывающей любые шаги, необходимые для выполнения обязательств;
- (b) принятие ответственности за соответствующее обязательство в этой провинции в степени, необходимой для:
 - (i) поддержания основных национальных стандартов или соответствия установленным минимальным стандартам оказания услуг;
 - (ii) поддержания экономического единства;
 - (iii) поддержания национальной безопасности; или
 - (iv) недопущения совершения необоснованных действий, наносящих ущерб интересам другой провинции или страны в целом.

Если национальная исполнительная власть вмешивается в провинцию согласно положениям пункта (b) —

- (a) отправляется письменное сообщение о вмешательстве Национальному Совету Провинций в пределах 14 дней после начала вмешательства;
- (b) вмешательство прекращается, если Совет не одобряет вмешательство в пределах 180 дней после начала вмешательства или к концу этого периода не одобряется вмешательство; и
- (c) Совет, пока вмешательство продолжается, проверяет вмешательство регулярно и может давать любые соответствующие рекомендации национальной исполнительной власти.

Национальное законодательство может регулировать данный процесс (раздел 100 Конституции).

Исполнительные решения. Решение Президента должно быть письменным, если оно —

- (a) принимается согласно положениям законодательства; или
- (b) имеет юридические последствия.

Письменное решение Президента должно быть контрасигновано другим членом Кабинета, если это решение касается функции, переданной этому члену Кабинета.

Прокламации, регламенты и другие подзаконные инструменты должны быть доступны общественности. Национальное законодательство может указать порядок, в котором такие инструменты должны быть —

- (a) внесены в Парламент; и
- (b) одобрены Парламентом (раздел 101 Конституции).

Вотум недоверия. Если Национальное Собрание, путем голосования большинства его членов, принимает вотум недоверия Кабинету, исключая Президента, Президент переформирует Кабинет. Если Национальное Собрание, путем голосования большинства его членов, принимает вотум недоверия Президенту, Президент и другие члены Кабинета, и любые заместители министров уходят в отставку (раздел 102 Конституции).

Таким образом, в ЮАР сложилась своеобразная разновидность республиканской формы правления, которая сочетает в себе признаки парламентской и президентской республик. При этом, однако, эта разновидность отличается и от смешанной системы правления, действующей, например, во Франции.

В целом, Конституция достаточно подробно регулирует положение Президента в ЮАР. Особое внимание уделяется вопросам национального вмешательства в провинциальную администрацию. Урегулирован порядок исполнения обязанностей Президента. Несмотря на то, что ЮАР формально является унитарным государством, некоторые положения ее Конституции можно было бы перенять и федеративным государствам.

Литература:

1. History. URL: <http://www.thepresidency.gov.za> (дата обращения: 09.06.2019).
2. The Constitution of the Republic of South Africa, 1996. URL: <http://www.gov.za> (дата обращения: 14.05.2019).

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 1 (15) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 5.02.2020. Дата выхода в свет: 10.02.2020.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.